ЗАПИСКИ ТАФУРИ

ТЕХНОТЕОЛОГИЯ

Космос, СПИД и вантовые конструкции инженера Макарова

О том как отвратительно у нас стали строить

Житие Сергея Ситара

Леббеус Вудс, 1993

Анти-общественное пространство

200 храмов: маниакальная серийность

Ленина Пакет "DEAD CATZ"

Содержание

- Тафури*NEWS* 4
- Объяснительная 6
- DEAD CATZ 12
- Житие Сергея Ситара 18
- Современная проза о том, как отвратительно у нас стали строить 28
- Антиобщественное пространство 38
- Инженер Макаров (интервью) 40
- «Война и архитектура» Лёббеус Вудс 48
- Тафури*ENTERTAINMENT* 62

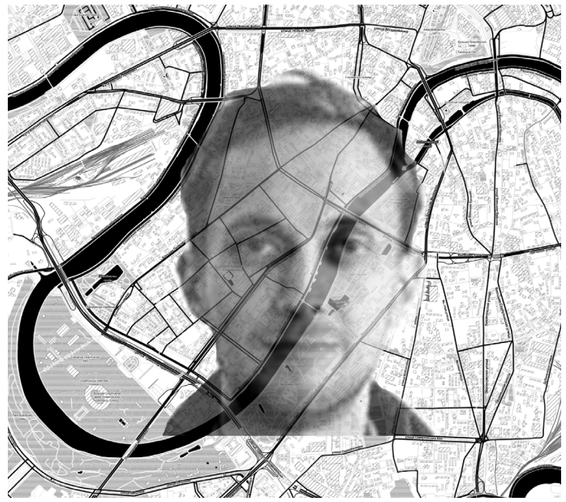
От редакции!

Не успел выйти первый номер, как журнал «Записки Тафури», который вы держите в руках – стал культовым и, не побоимся этого слова, модным! Это периодическое издание, в котором по отзыву наших читателей, успевших ознакомиться с пилотным выпуском, дух АНДЕГРАУНДА сохранен получше, чем в иных панковских изданиях! Журнал возглавил движение «катакомбной урбанистики в век, когда она невозможна», на фоне беспрецедентной деградации архитектурной печати, а вместе с ней и архитектурной мысли в целом. «Записки Тафури» – это глас народа!

Читай, угарай, копируй, раздавай!

АРХИТЕКТОР – СЕРИЙНЫЙ МАНЬЯК

В июне 2015 всю архитектурную общественность НЕ встряхнула шокирующая новость. 31-летний архитектор Александр Архангельский был задержан по подозрению в серии изнасилований. По месту совершения преступлений его назвали Хамовническим маньяком.
Александр закончил Московский архитектурный институт, работал в довольно успешной частной архитектурной компании «БЮРО 500», затем участвовал в творческом объединении ЮНАЯ БУРЕАУ, о котором в свое время писал молодежный журнал ФУРФУР. Т.е. по меркам рядового архитектора был весьма успешным на профессиональном поприще. Тем показательнее, что в качестве одной из причин, подтолкнувших его к преступным действиям, он указал на «проблемы на работе».
Архангельский состоял на учете в психоневрологическом диспансере из-за суицидальных наклонностей, ходят слухи, что он поссорился со своей девушкой незадолго до описываемых событий.
В деле Архангельского есть ряд противоречивых свидетельств. Все источники указывают, что, угрожая кухонным ножом, Архангельский совершал с девушками действия сексуального характера. Но в том, каковы были эти действия, источники расходятся. Одни утверждают, что, угрожая убийством, он принуждал жертв к сексу, другие пишут: «После двух раз, когда ему помешали посторонние, он сменил тактику — угрожал ножом и удовлетворял себя сам на глазах у перепуганной жертвы...».
Как стало известно позднее, в конце октября Архангельский ушел навсегда. Не трудно вообразить, насколько редакция ЗТ была огорчена тем, что не успела взять интервью у Александра Архангельского.



ДОКАТИЛИСЬ!!!

В мае 2015 редакция ЗТ посетила магазин «Фаланстер» с целью распространения пилотного номера журнала «Записки Тафури». На кассе сидел кинокритик Алексей Юсев. К нашему предложению взять журнал на распространение (за нулевой прайс) он, как и подобает критику, отозвался не сразу. Пролистав экземпляр, Алексей отметил его высококачественную полиграфию, но когда в разделе «новости» обнаружил материал про Григория Ревзина, избитого, по его словам, хачами, Юсев выпучил глаза и, сославшись на то, что «Фаланстер» специализируется на левой литературе, отказал нам в нашей просьбе.

СКОЛЬКО МОЖНО ЭТО ТЕРПЕТЬ?!

В связи с усложнившимся положением иностранных бизнесменов в России Барт Голдхоорн был вынужден продать основной пакет акций журнала «Проект Россия», оставив у себя на руках не более 20%. Основными покупателями стали те, кого в этом журнале и печатают - крупнейшие частные архитектурные бюро.
Решайте сами, стоит ли вам тратить свое время и деньги на чтение этого рекламного проспекта и терпеть навязчивую пропаганду бездарных коммерческих проектов?

ИНОСТРАННЫЙ АГЕНТ УЕХАЛ НЕ С ПУСТЫМИ РУКАМИ

ARCHI ZINES ЗТ

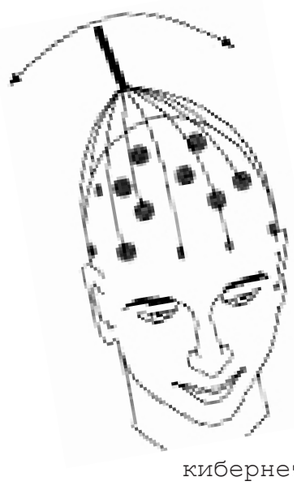
В мае 2015 года в Москве прошла выставка архитектурных зинов, на которой были представлены 100 изданий из 20 стран мира. Редакция ЗТ посетила презентацию этой выставки и произвела там фурор, презентовав первый русский архитектурный фэнзин, торжественно вручив его организатору выставки и коллекционеру архзинов, очкастому англичанину в белой рубашечке. Чему он был несказанно рад.

ЗАПИСКИ ТАФУРИ

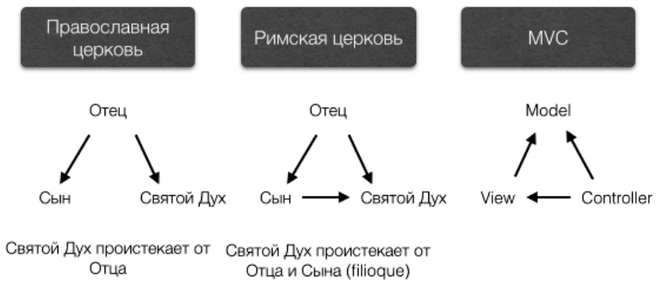
Объяснительная

Присутствие отсутствия центральной статьи этого номера. Дорогие читатели, спешим признаться - мы посрамили своей бездарностью священные стены бункера редакции «Записок Тафури». Мы запланировали для вашего духовного просвещения небывалую доселе, грандиозную программную статью, способную в одну секунду заставить всех гребаных архитекторов перестать заниматься всякой хуйней и пойти строить своим руками АЭС, которая обеспечит энергией весь земной шар.

В задумке структура статьи напоминала собой массажер «мурашка»: от единого жесткого стержня-рукоятки — основной идеи — расходятся упругие прутья различных культурно-философских дискурсов, способных воздействовать на различные центры вашего маленького и гладкого, как каучуковый мячик, головного мозга и формировать в нем глобальную картину окружающей действительности.
В центре задуманной статьи предполагалось дать анализ Программы строительства в Москве двухсот православных храмов, еще до того, как эта инициатива стала модной и вошла в список обязательных тем для высказывания в социальной сети (#Торфянка). Любой уважающий себя архитектор предпочитает воздержаться от высказываний на эту злободневную тему. Но так как для нашей редакции не существует никаких морально-этических ограничений, способных сконфузить или вызвать чувство неловкости за собственные слова, мы с большим энтузиазмом окунулись в работу над этим материалом. Вырезки из бесплатных газет, перелопаченные подшивки журнала «Церковный строитель», проштудированные сайты, постановления Московского правительства и законодательные акты — всё это взгромоздилось объемными кучами и затрудняло свободное передвижение по нашему штабу. Чуть ранее, после съемок клипа Dead Cats, наши боевые товарищи Антон Николаев и Иван Смех презентовали нам две книги: «Запретное искусство» и первый опус Дмитрия Никитина «Жизнь Иринина», которые с разных сторон освещали место религии в современном мире. Книги были изучены редакцией с извлечением полезных сведений и ценных наблюдений. Философско-теоретической базой нашего исследования был выбран проект, развиваемый Михаилом Куртовым — «Технотеология». Его основные



положения были изложены в программной статье «Генезис графического пользовательского интерфейса. К теологии кода» и выпущены брошюрой в издательстве *demarche в 2014 году. Надо признать, наша редакция потратила колоссальные усилия, чтобы охватить этот проект в максимально полном объеме. Главный тезис — эволюция программного кода повторяет путь эволюции метафизики и сейчас находится на «теологической» стадии своего развития. Редакция видела перспективным это направление как продолжение темы советской кибернетики, затронутой в пилотном номере, только в новом неожиданном ключе. По мере нашего углубления в технотеологию, Михаил выступил в гнезде разврата и парафилии - институте медиа и дизайна «Стрелка» с лекцией «Готическая архитектура и современная информатика» в кокетливой майке Less is more, чем зародил в редакции зерно сомнения в своей пассионарности. В итоге тема технотеологии в прочтении Куртова оказалась на обочине наших рассуждений и как-то сама собой самоустранилась, оставив после себя красивое слово филиокве и знание о превосходстве «православного» программирования над «католическим».
Углубление в технотеологию планировалось и по другим фронтам. Источником для подпитки наших мозгов были выбраны книги Станислава Лема — «Сумма Технологий» (1963) и трактат Фомы Аквинскго (1274) «Сумма Теологий». На основе сопоставления двух произведений редакция планировала установить взаимопроникающие связи в различных подходах к мирозданию. В итоге из пяти томов Фомы были выкачаны три, а Лем в формате fb2 затерялся на жестких дисках архива З.Т. Как видите, очередной провал, недостойный радикального борца за православный коммунизм.



При подготовке статьи через наши руки прошла книга Л. Грэхэма и Ж.М. Кантора «Имена бесконечности. Правдивая история о религиозном мистицизме и математическом творчестве» (2011). Книга освещает влияние, которое оказало учение имяславцев на решение проблемы бесконечности у математиков. Надо признать, само влияние описано не очень убедительно, но зато мы узнали массу интересного из личной жизни крупнейших советских математиков первой половины XX века (П. Александров, А. Колмогоров и др.) - информация полезная для подготовки журнала немного с другой тематикой, например, про «геев в архитектуре». В итоге редакция убедилась в тонкости высказывания автора одной рецензии на эту книгу, что «математики в своем кругу называют знак беско-

нечности - эту поваленную на бок самую дырявую цифру - жопой. Жопой же считали мы, студенты философского факультета МГУ в 90-х, всю эту белибердяевщину и имяславское безумие, делая исключение разве что для Розанова».
Все знания, почерпнутые из этих источников, сводились к проблеме взаимоотношения между религиозной и светской позициями, между теологическим и просвещенческим проектами. Наша интуиция подсказывала, что конфликт вокруг программы 200 храмов может быть переформулирован без этого пустого бодания. Тем более, что сами эти озвученные позиции стремятся друг к другу. Это движение особенно заметно в современной постсекулярной мысли. Когда маоист Бадью говорит, что настоящим революционером может быть только подлинный христианин, а Жижек пишет, что суть христианства доступна только для материалистического подхода - становится ясно, что времена радикального противопоставления религии и технологии остались на страницах журнала «Безбожник». В планы редакции входило раскрыть суть современных реалистических и материалистических философий, которые обращаются к теме «изъятия теологического ядра». В итоге нами были изъяты и употреблены в пищу лишь съедобные ядра различных деревьев и кустарников семейства ореховых, что способствовало снижению нервного напряжения и психологического давления в связи с невыполнением плана.

Целью нашего исследования была разработка альтернативных вариантов развития программы 200 храмов. Мы подошли к этому со всей ответственностью и использовали для реализации задумки современные технологии проектирования, специально изготовив высококачественную 3D модель храма Покрова на Нерли. К сожалению, она не была использована по назначению. Автор этого произведения цифрового искусства (член команды З.Т.), не посоветовавшись с редакцией, использовал 3D модель в коммерческих целях, чем спровоцировал нехилый махач во имя установления справедливости и воздания по заслугам.
В редакции обсуждались два варианта размещения храмов, которые позволяли бы избежать противоречий между религиозной и светской позицией. Первое, что пришло на ум - взять абстрактную сетку, в узлах которой находятся 200 храмов, и спроецировать ее на город. В этом случае потенциально в любом месте города, совпавшим с узловой точкой сетки, может появиться храм. До тех пор, пока модуль сетки не задан, каждый клочок земли одновременно содержит в себе и новый Храм, и девственный ландшафт или существующую на этом участке постройку. Руководящим принципом размещения становится случайность, которая для верующего является волей божьей, а для светского человека - той случайностью, что лежит в основе квантовой теории, чем-то вроде неизбежности природного катаклизма - нежелательного, но вместе с тем необходимого изменения в городе.
Второй вариант представляет собой объединение всех двухсот храмов в одном месте в единый религиозный центр всея Руси. Таким образом, достигается наивысшая степень сакрализации места. При этом удается избежать множества конфликтов (~200), связанных с согласованием места расположения очередного храма. Да, шаговая доступность здесь вне приоритета, но такая концентрация сакральности неизменно будет притягивать верующих (да и атеистов, пожалуй, тоже) как туристическая достопримечательность.
Несмотря на то, что статья не написана, мы посчитали должным разместить здесь эти замечательные графические схемы. Оба варианта представлены графически на схеме 1 и 2. Получившаяся объяснительная стала для нас ректальной свечой, заменив собой массажер «мурашка», сняв симптомы в виде нервного зуда и раздражения от невыполненных обязательств. Теперь, наши неутомимые читатели, вы знаете, в чем причина присутствия отсутствия главнейшей статьи в номере. В будущем обещаем более ответственно подходить к подготовке материалов, подбору первоисточников и избегать подобных неловких ситуаций. Во искупление содеянного греха предлагаем Вам прочитать чудесный перевод, выполненный специально для этого номера, статьи Леббеуса Вудса, написанной в 1993 году и опубликованной в 1996 в журнале Pamphlet Architecture 15.

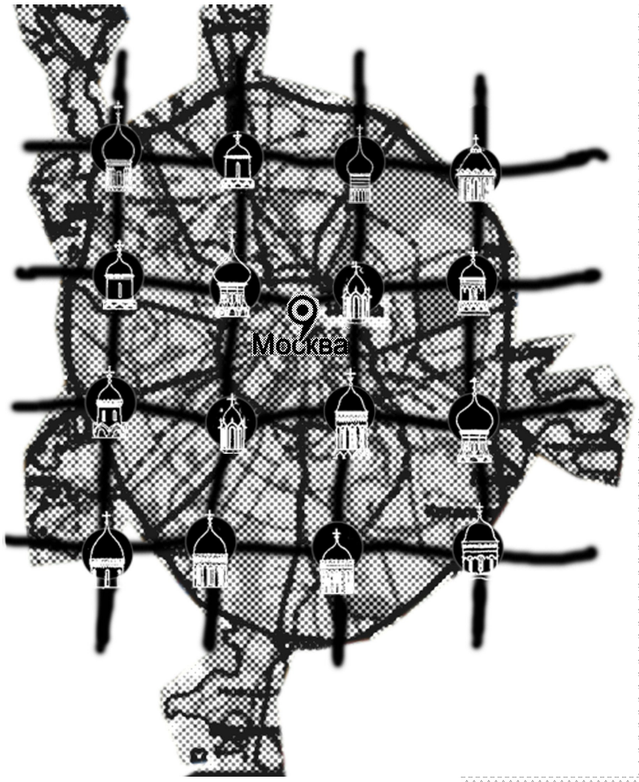


схема 1

схема 2

В Москве в районе Восточное Дегунино на пересечении улицы Дубнинская и Проектируемого проезда №5280 расположена пустая поляна (рис.1). С краю находится хоккейная коробка, по диагонали поляну пересекает пешеходная тропинка от автобусной остановки к жилому кварталу, а по центру растет большое старое раскидистое дерево, которое может быть даже старше окружающих домов. Долгое время она оставалась незастроенной по причине наличия свай, предназначенных когда-то для строительства гаражного кооператива. Стройка не состоялась, и свайное поле стало местной достопримечательностью. Оно активно использовалось для выгула собак, распития алкогольных напитков и прочих нужд жителей спального района.
Летом 2014 года рядом со сваями неожиданно (по крайней мере для редакции «Записок», генштаб которых на тот момент располагался в соседнем доме) появился забор, православный крест и баннер: «ПОСТРОИМ ХРАМ преподобного Серафима Саровского в Дегунино всем миром». (рис.2)

На первый взгляд, выбор места для строительства храма кажется совершенно случайным. По соседству расположен пятиэтажный паркинг, а в окружении жилых многоэтажек церковь шаговой доступности обретает не больше сакральности, чем палатка с овощами, аптека или ларек «ремонт обуви». Однако от пытливого взгляда не могло ускользнуть поразительное сходство ритмичных невысоких бетонных столбиков с ровными рядами могильных памятников на кладбище. Как раз такое соседство для церкви является вполне привычным. До XIV столетия церковные дворы служили почти единственным местом для кладбищ.

Для того, чтобы сходство свайного поля и кладбища стало очевидным для всех, было решено придать индивидуальность каждому столбику путем размещения на нем портрета с именем и годами жизни отдельных личностей, изволивших к настоящему моменту опочить.

Испытывая определенную страсть к построению случайных списков, редакция к своему удивлению столкнулась с проблемой выбора персон, достойных быть увековеченными под тенью старой раскидистой ивы. До тех пор, пока не пришла идея использовать песню замечательной группы Ленина Пакет - Dead Cats с последнего альбома “Ын-tunes” (2013). В этой композиции Дабл и Айван выдают просто феерический поток, перечисляя политиков, советских актеров, зарубежных и отечественных музыкантов, писателей, телеведущих и прочих известных деятелей, отошедших в мир иной. Лучше не придумаешь! Всего их оказалось 47. Кроме них в песне были упомянуты «12 замученных кошек Куклачева» — которых мы так же решили «похоронить» на кладбище. Есть в списке Ленина Пакета и исключения, которые особо оговариваются, а именно: «Эдик Успенский (единственный в перечисленном списке) жив и здоров», «Ноги МФ Гримма», «Нога экс-жены экс-битла Пола» и «Мишки Кокшенова ухо». Части тел, потерявшие своих владельцев, по понятным причинам не попали в сферу наших разработок, но признайте - не восхититься оригинальностью этого списка просто невозможно.

Столбиков, пригодных для нанесения трафаретов и не попавших за границу забора, оказалось 64, а 47 перечисленных персон вместе с 12 кошками давали число 59 — все получалось довольно четко. Трафареты были подготовлены заранее, оставалось только их вырезать — чем мы и занялись прохладной ноябрьской ночью, попивая пивко. Когда все было готово, вооружившись баллончиками с краской, в десять рук мы управились довольно быстро и, счастливые, пошли спать.

На следующее утро было весьма забавно наблюдать, как реагировали местные жители на появление под их окнами импровизированного кладбища рядом со строящейся церковью шаговой доступности. Т.к. кладбище было сориентировано на автобусную остановку, ожидающие, которые обычно стоят лицом к дороге, в это утро с подозрением смотрели в сторону свайного поля и переговаривались между собой. Собачники с интересом рассматривали столбик за столбиком, следуя за своими питомцами. Позже, когда производилась фотосъемка, проходящий мимо мужик сказал: «я не понимаю, зачем вы, ребята, сделали тут Ельцина - врага народа? Ему тут не место!». Так очень скоро быть «похороненным» на новом Дегуненском кладбище оказалось весьма почетно.

РИС. 1. МЕСТО

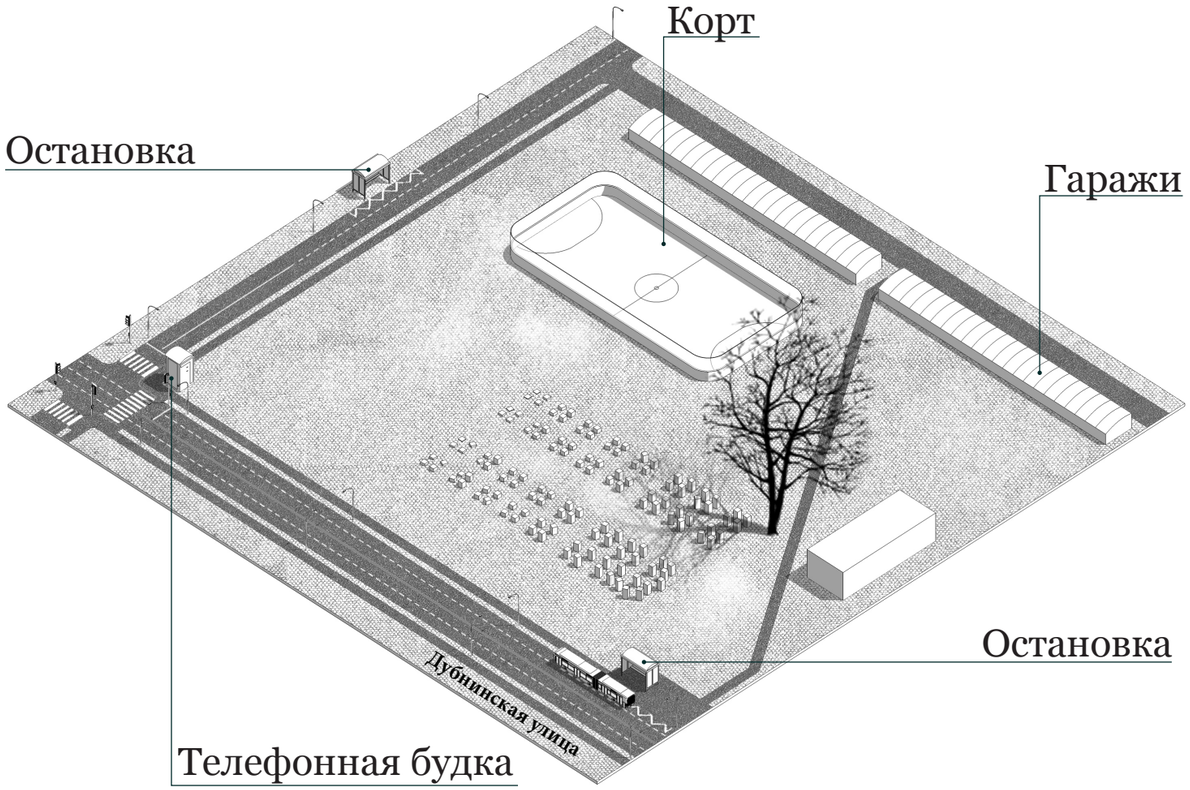


РИС. 2. ВО ВРЕМЯ СЪЕМОК КЛИПА

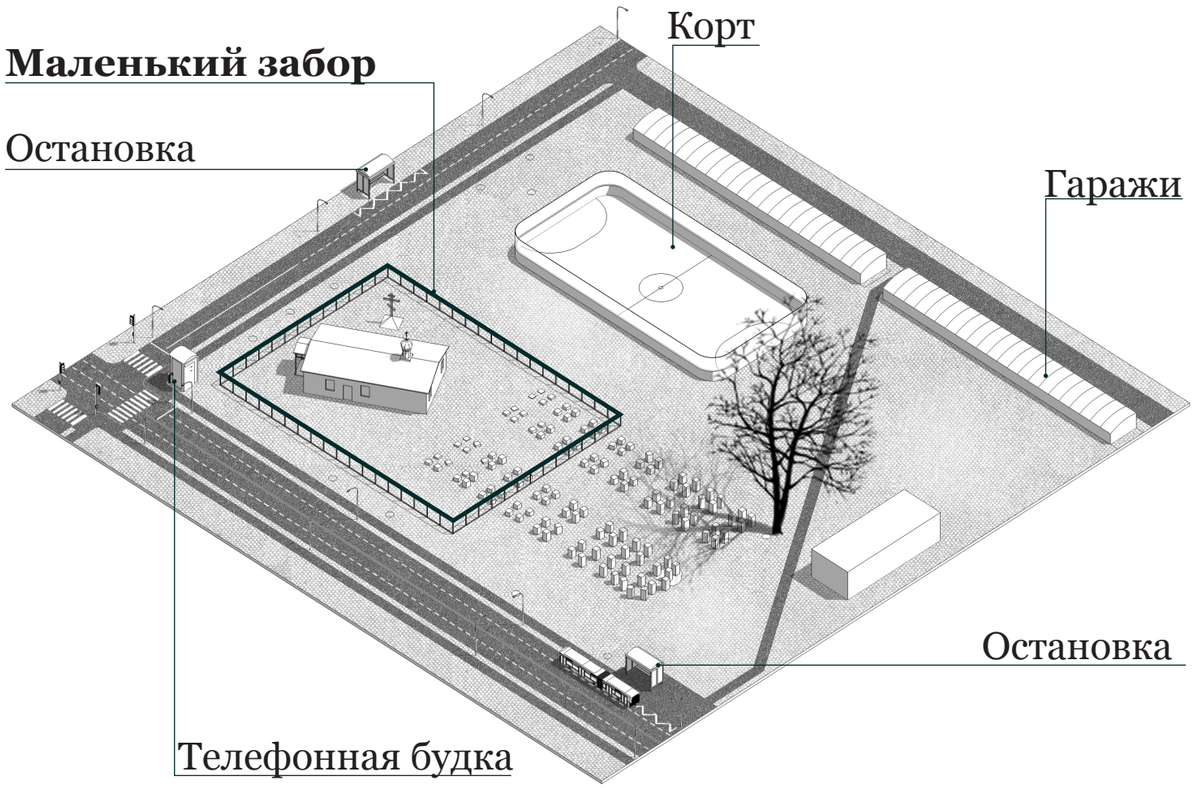
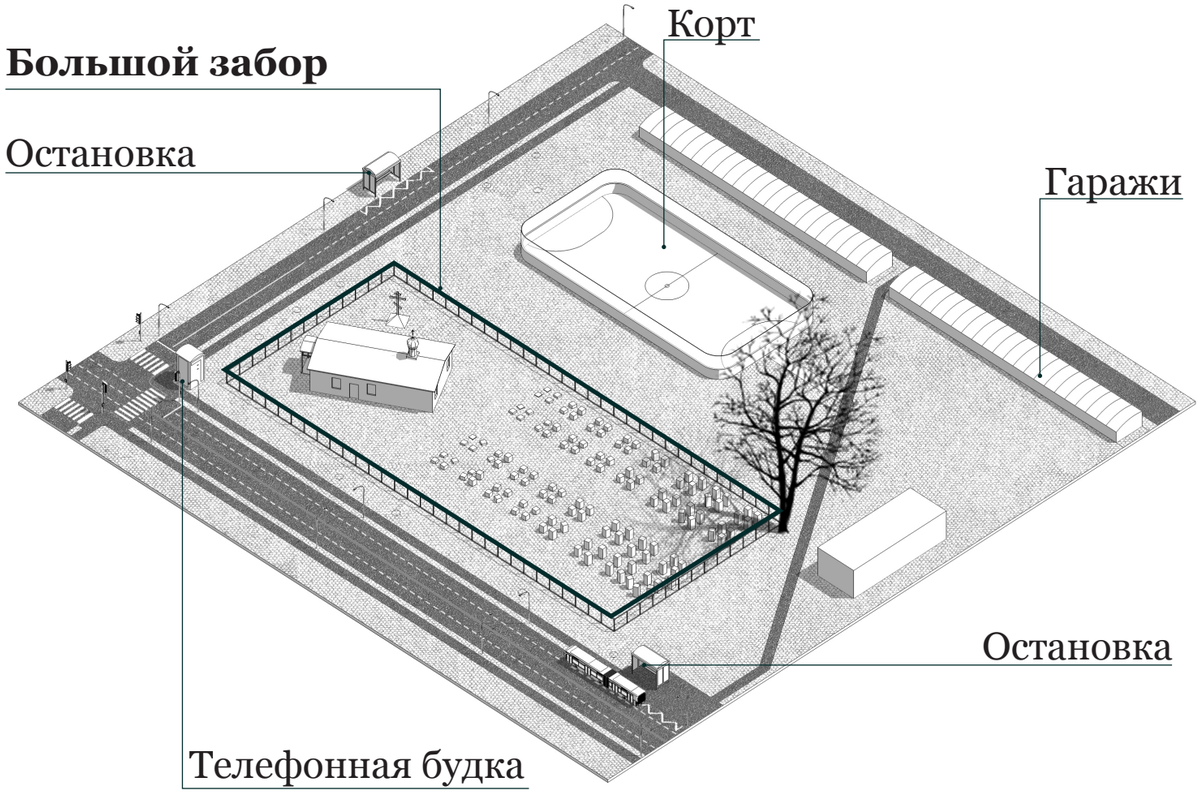


РИС. 3. ПОСЛЕ СЪЕМОК КЛИПА



На
просто-
рах оформления
Каменных могильных
плит
Твой дизайнерский диплом
Приобрел конкретный вид

ЖИФФ

ЗАПИСКИ
ТАФУРИ

Не надеясь на положительную реакцию ребят из ЛП, мы всё-таки спешили поделиться с ними результатами нашей работы и в качестве шутки предложили им приехать снять видео. Надо сказать, что за почти десятилетнюю историю у группы «Ленина Пакет» был всего один официальный клип на композицию «Грюндик Воскрес». Однако, ко всеобщей радости, через неделю ЛП всем мобом появились на улице Дубнинская. Кроме Айвана приехали: Иван Смех, Полынов, художники Александра Галкина и Антон Николаев, а также светская львица Анна Андреевна, чуть позже подтянулся Женя Dowdy. Нетрудно догадаться, что никакого заранее продуманного сценария не было. Все происходящее в клипе было чистой импровизацией.
Художница Саша Галкина и художник Антон Николаев ловко изготовили картонный инвентарь для съемок клипа. Им оказалась виниловая пластинки группы Kiss, которую Женя Dowdy самоотверженно запиливал на столбике с портретом DJ Бориса из DJs KRUGOZORY – первым российским диджеем.

Из двух фрагментов старого плинтуса, который был найден неподалеку, был сконструирован крест, вооружившись которым Анна Андреевна возглавила траурную процессию перемещения Айвана в позе Ильича из одного конца свайного поля в другое - от столбика Сергея Бодрова к столбику Фредди Меркури.

Кроме того, Айван обоссал Ельцина, Полынов помянул пивком Игоря Квашу, и каждый внес свой маленький вклад в это действо, с которым вы легко можете ознакомиться на сайте Yuotube.

Самое удивительное, что в таком виде кладбище просуществовало совсем недолго. Служителям строящейся церкви это соседство показалось не самым уместным, и в один из дней мы обнаружили, что все бетонные столбики были покрашены твердой рукой работников ЖКХ в серый цвет. При этом во избежание дальнейших диверсий вся территория свайного поля была обнесена новым забором, который теперь объединил и стройку, и столбики в единое целое (рис.3). Т.е. действие, направленное на создание единого архитектурного ансамбля церковь-кладбище, через отрицание было узаконено самой церковью. Признав территорию свайного поля сферой своих интересов, священнослужители только лишний раз подтвердили, что эти бетонные столбики играют определенную ритуальную роль, а иначе какое отношение имеют строительные рудименты к исполнению религиозных обрядов? Таким образом, сам факт нанесения графических портретов, трактуемый ими как вандализм или что-то в этом роде, оказал для них неоценимую услугу – помог осознать важность ритмической композиции, так сильно напоминающей кладбище, для обретения новой строящейся церковью контекста, о котором они даже не задумались при выборе места для строительства.

Джордж Харрисон, который очень любит деньги,
Послушал мантры и заторчал.
Купил билет на пароход и уехал в Дели,
И в ушах его все время
Ситар играл.

Джордж Харрисон купил пар двадцать бус,
Джордж Харрисон сказал: «Я буду жить любя».
А потом он сказал: «Goodbye!» И ушёл в себя.
Ситар играл.
Ситар играл.

Kino – Ситар играл(катушка) (В ~~Харькове~~)

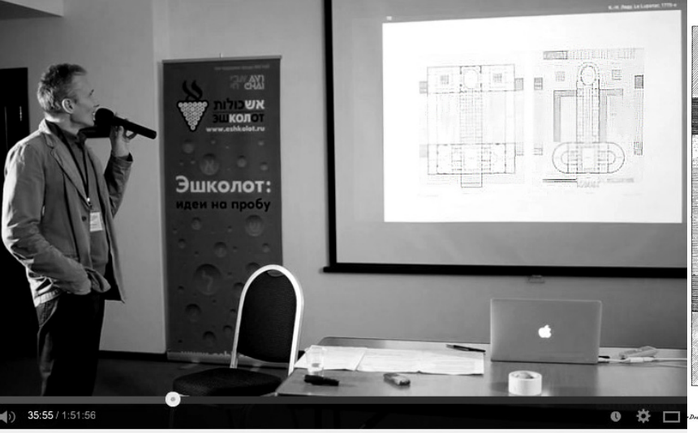
Кто из вас, наши дорогие читатели, приступая к чтению раздела «теория» в архитектурном журнале, не говорил себе: «Да пошел ты на хуй, Ситар, не буду я пытаться тебя понять!», гневно перелистывая страницы?

Дабы способствовать более полному пониманию соответствующих текстов, предлагаем Вам окунуться в психоделический мир российской архитектурной теории и его ярчайшего представителя - Сергея Ситара.

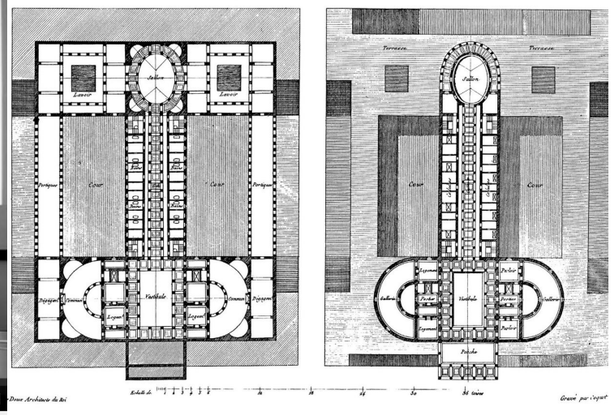
Сергей — архитектурный теоретик. Он пишет тексты. В архитектурной тусовке это большая редкость – чтобы человек писал тексты, поэтому Сергей идёт нарасхват. Вместе с женой у Ситара семейный подряд в одной частной архитектурной школе – там они говорят ртами о теории и истории архитектуры. Сергей стоял у истоков медиа-холдинга Барта Голдхоорна, который в середине 90-х организовал журнал ПРОЕКТ Россия, а в начале 2000-х совершил homo-тур по 16 городам России (см. статью в Wikipedia «Барт Голдхоорн»). Поэтому Ситару есть где писать. И он пишет, например, вводные статьи в теоретическом разделе журнала ПРОЕКТ international, а в 2013 году разразился первой и на данный момент единственной полноформатной книгой «Архитектура внешнего мира». Кроме того, в 2014 году под видом книги у Сергея вышла «Архитектура и политика…»; по факту это восемнадцатистраничная статья с ISBN номером.

Ситар закончил Московский архитектурный институт, в США получил PHD. Сергею всегда было скучно среди архитекторов - не то чтобы очень, но осадочек оставался. Ему хотелось приключений и интеллектуальных свершений. И поэтому Ситар стал наращивать свой так называемый «бэкграунд» в кружке московских концептуальных художников. Особенно Сергей сблизился с Андреем Монастырским (Моней, как его называют близкие), который оказал на него сильнейшее влияние. Ситару очень нравятся все эти коллективные действия, поездки за город, художественные акции, и Сергей в них с удовольствием участвует, а потом опять пишет – «описательные тексты» по результатам проведенных акций. Именно из этих заметок можно многое узнать о Сергее Ситаре. Например, что Сергей не прочь полакомиться галлюциногенными грибами: Приведем кусочек из описания об акции «Мешок» 15.09.2001

«Придя обратно на опушку, я выяснил, что Ира, пока меня не было, успела найти в окрестной траве немалое



Ситар показывает на лекции
дом в виде полового члена



«Дом терпимости»,
проект К.Н. Леду(1736-1806гг.)

количество «волшебных грибов», большую часть которых она тут же и съела… поддавшись общему настроению, я тоже решил поискать, но нашел только один среднего размера грибок… Ира, чтобы меня утешить, отдала мне на съедение оставшиеся у нее грибы (штук 5-6). Затем мы с Ирой, взявшись за руки, последовали за Е. Елагиной в сторону просеки».

Из этих же источников можно узнать, что Ситар лечился в психиатрической больнице имени Ганнушкина, принял крещение в РПЦ МП и серьезно переживает по поводу возможной *апостасии*, т.е. отступничества.

Благодаря этой широте кругозора, постепенно у Сергея начала складываться необычная судьба архитектурного теоретика, далекого от академических карьерных лестниц со скучными диссертациями и профессорскими ставками. Ситар одним из первых занял нишу неакадемического междисциплинарного урбаниста. В первой половине нулевых Сергей вписался в исследование так называемых «убывающих городов», т.е. городов с уменьшающимся населением, организованным культурным фондом Германии в 2002-2005 гг.

Ситар и Ко, представлявшие русский раздел исследования, предложили обратиться к «имматериальным» факторам – процессам символического, знакового и идеологического производства – которые, по их мнению, влияют на физические контуры пространства не в меньшей степени, чем «физические» интервенции в него. Посмотрим, что имеется в виду, обратившись к материалам исследования города Южа в Ивановской области:

Показательным примером этого [приоритета «символа-концепта» над «миром вещей» прим. З.Т.] может служить конкурс на лучшее пугало ***¡sic!****, проведенный в 2004 году южским Домом ремесел, который собрал 80 работ, представленных различными местными организациями, группами и частными лицами. На отчетной выставке зловещее чучело «женщины-шахидки» соседствовало со стройной фигурой «топ-модели» с лицом Ким Бесингер, вырезанным из пластикового пакета; угрюмая кукла Гитлера,*

выполненная в стиле советских кукольных мультфильмов, стояла рядом с получившей главный приз многоногой тварью из дерева, форма которой была продиктована переживаниями явно галлюцинаторного свойства и являла собой истинное торжество воспроизводящих сил природы.

Замечательно, не правда ли? И вот еще кусочек про специфику монументов в городе Южа:

В отличие от памятников в традиционном понимании, чья основная функция – обеспечивать «присутствие прошлого в настоящем», памятники Южи, похоже, выполняют прямо противоположную задачу: сделать недавнее прошлое как можно более отдаленным. Не с тем, чтобы подвергнуть его полному забвению – в этом случае гораздо проще было бы избавиться от памятников совсем – а с тем, чтобы закрепить его «вдали», предварительно дезактивировав и обезопасив.

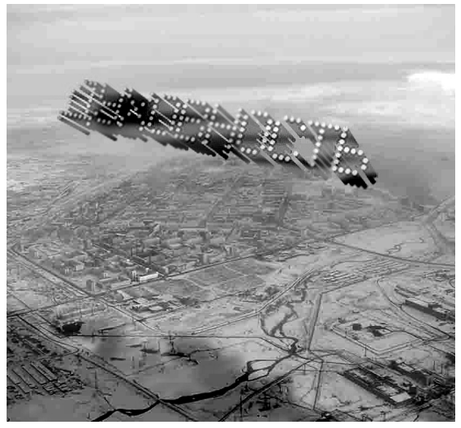
Это касается и центральной инсталляции в единственном музее Южи, посвященном местному поэту Ивану Ганабину, который начинал как военный корреспондент на флоте и умер в 1954 году. Его скульптурный портрет находится в прекрасном состоянии, однако его непоколебимую «бюстовость» подчеркивает баян, как будто специально для этого размещенный у основания постамента.

Очевидно, Сергей пытается убежать от материальности, мира вещей и объектности в область идеального мира знаков и символов, в сферу социального, что, впрочем, позднее будет характерно для всех урбанистов нового поколения. Там Ситар сталкивается с ужасающим мраком обыденности, единственным способом выхода из которого остается его рафинированный сарказм, переходящий в ментальный поп-арт.

Итак, получив некий опыт в работе с периферийными городами, в 2007 году Сергей был приглашен для разработки «Стратегии развития Норильска до 2020 г.». Город за полярным кругом, построенный на вечной мерзлоте, посреди болот тундры и покрытый слоем черного шлака – вот очередное место, в котором пригодились знания и умения Ситара. Чтобы был понятен антураж этой работы, следует указать, что разработка стратегии была инициирована компанией «Норильский никель». Сергей со всем энтузиазмом окунулся в эту работу и, кроме дежурного многостраничного текста, выполнил еще две схемы, вошедшие впоследствии в его «Стратегии…». Во-первых, он озадачился складированием и вывозом снега во дворах Норильска; во-вторых, он озаботился «укреплением самоидентичности городского сообщества». Что скрыто под этой формулировкой? Что именно он хочет укрепить у жителей города, отделенного от всего остального мира километрами непроходимой тундры? Об этом вы, наши угрюмые читатели, подумайте, пожалуйста, сами и не забудьте написать об этом в нашу редакцию.

Гипнотические мантры Ситара настолько попали в резонанс с представлением о будущем Норильска городского правительства и руководителей компании «Норникель», что они предложили Сергею в срочном порядке занять пост главного архитектора города. Чтобы по достоинству оценить концептуализм жеста со стороны администрации Норильска, нужно знать, что на тот момент в городе лет двадцать не строилось гражданских зданий вообще, но, напротив, периодически практиковался снос невостребованных жилых площадей. Действительно, главным архитектором поселения, в котором ничего не строится, может быть только такой видный мыслитель как Сергей, живущий в мире знаков, текстов, символов и концепций.

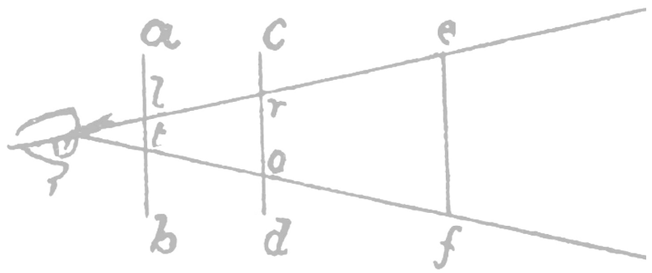
Градостроительная политика Ситара в Норильске могла воплотиться в небесном видении, обыденных словах, всплывающих в галлюцинаторном сознании жителей Норильска под действием формальдегида и диоксида азота, «укрепляющем их самоидентичность». Возможно, появление в 2013 году на просторах социальной сети паблика с названием «Огромные трехмерные слова над Норильском» неким образом связано с деятельностью Сергея в Норе.



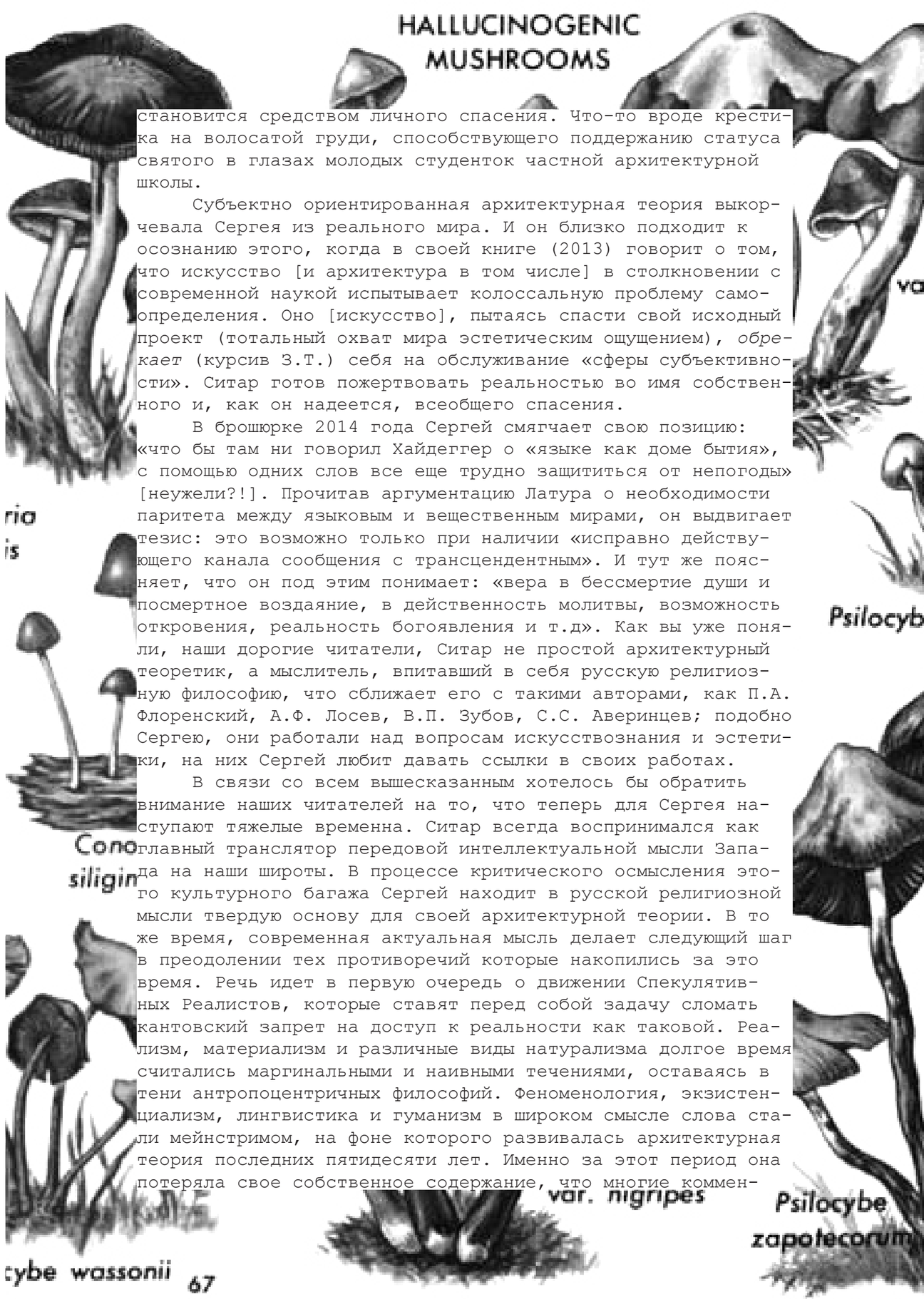
На этом приключения нашего героя не закончились. В 2011 году Ситар выступил куратором выставки в Музее архитектуры «Николай Левочкин: машинист и архитектор рая». На ней были представлены работы человека, который весь свой активный период жизни проработал в Московском метрополитене, сначала слесарем, а затем машинистом; по выходе на пенсию он стал ваять у себя дома моднейшие сооружения религиозного культа из подручных материалов: от элементов мебели и фрагментов бытовой техники до вырезок из журналов и дешевых иконок. Свою затею Левочкин объяснял желанием восстановить Храм Христа Спасителя — главный православный собор Москвы. Он даже реализовал эту идею у себя дома в своей работе, но потом переименовал ее в «Церковь св. Лидии» - видимо, в честь своей жены, изволившей опочить. Для Левочкина не существовало разницы между реальностью, с которой он минимизировал свои сношения, и тем, что происходило в его однокомнатной квартире на улице Вековая. Сергей, конечно пришел в неописуемый восторг от Левочкина! В кураторском тексте к выставке Ситар отказывается причислять работы бывшего машиниста метро к «искусству аутсайдеров» или так называемому art brut по той причине, что тогда, дескать придется признать «обширную и значимую область российской культурной действительности — формой коллективной психопатологии или коллективного эскапизма». Сергей узрел в Левочкине свое альтер-эго.

Теоретическая программа Ситара, излагаемая в двух его книгах, упоминавшихся в начале этого текста (2013 и 2014 гг.), подводит некоторые итоги становления Сергея как архитектурного теоретика. Мы уже отметили, что ему свойственны: имматериализм, затекстованность и субъективный идеализм, подпитываемый индивидуальными переживаниями. Так, например, в свои полторы книги Ситар умудрился вставить личные сны, которыми он, наверное, очень сильно дорожит, но которые, к сожалению, решительно не могут заинтересовать кого-либо со стороны. Но что еще есть в этих книгах?

В опусе 2013 года Ситар разбирает различные концепции зрения. Сергей считает очень важным для архитектурной теории разобраться с тем, как человек воспринимает окружающий мир. Он негодует по поводу того, что наука о зрении «деградировала» до банальной оптики и из нее были исключены представления о «свете, изливающемся из глаз».



Теперь становится очевидна радикальная приверженность Ситара кантианскому перевороту в философии, суть которого заключается в том, что сознание человека является активным участником становления самого мира, данного нам в опыте. Монастырский, кстати говоря, тоже является большим почитателем автора «Критики чистого разума». У Канта Сергей и Моня находят обоснование своего культурного эскапизма. Кантовские вещи-в-себе, о которых мы ничего не знаем, доступны нам лишь как представления, результат воздействия на наши чувства. Именно по этому принципу у Монастырского работает возможность существования художественного произведения (акции) — только при наличии субъективных описаний от участников действия и «фактографии». У КД (не путать с the Cold Dicks) описание художественного жеста становится самоцелью, в его центре может ничего и не быть. У них даже есть специальный термин для этого — «пустое действие». Для архитектурной критики эта стратегия чревата потерей смысла и предмета обсуждения. У Ситара происходит нечто подобное, когда он размывает предмет архитектурной теории до всеобщей картины мира (2013), проблема построения которой ближе к области религии. В итоге для Ситара архитектурная теория



становится средством личного спасения. Что-то вроде крестика на волосатой груди, способствующего поддержанию статуса святого в глазах молодых студенток частной архитектурной школы.

Субъектно ориентированная архитектурная теория выкорчевала Сергея из реального мира. И он близко подходит к осознанию этого, когда в своей книге (2013) говорит о том, что искусство [и архитектура в том числе] в столкновении с современной наукой испытывает колоссальную проблему самоопределения. Оно [искусство], пытаясь спасти свой исходный проект (тотальный охват мира эстетическим ощущением), *обрекает* (курсив З.Т.) себя на обслуживание «сферы субъективности». Ситар готов пожертвовать реальностью во имя собственного и, как он надеется, всеобщего спасения.

В брошюрке 2014 года Сергей смягчает свою позицию: «что бы там ни говорил Хайдеггер о «языке как доме бытия», с помощью одних слов все еще трудно защититься от непогоды» [неужели?!]. Прочитав аргументацию Латура о необходимости паритета между языковым и вещественным мирами, он выдвигает тезис: это возможно только при наличии «исправно действующего канала сообщения с трансцендентным». И тут же поясняет, что он под этим понимает: «вера в бессмертие души и посмертное воздаяние, в действенность молитвы, возможность откровения, реальность богоявления и т.д». Как вы уже поняли, наши дорогие читатели, Ситар не простой архитектурный теоретик, а мыслитель, впитавший в себя русскую религиозную философию, что сближает его с такими авторами, как П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев, В.П. Зубов, С.С. Аверинцев; подобно Сергею, они работали над вопросам искусствознания и эстетики, на них Сергей любит давать ссылки в своих работах.

В связи со всем вышесказанным хотелось бы обратить внимание наших читателей на то, что теперь для Сергея наступают тяжелые временна. Ситар всегда воспринимался как главный транслятор передовой интеллектуальной мысли Запада на наши широты. В процессе критического осмысления этого культурного багажа Сергей находит в русской религиозной мысли твердую основу для своей архитектурной теории. В то же время, современная актуальная мысль делает следующий шаг в преодолении тех противоречий которые накопились за это время. Речь идет в первую очередь о движении Спекулятивных Реалистов, которые ставят перед собой задачу сломать кантовский запрет на доступ к реальности как таковой. Реализм, материализм и различные виды натурализма долгое время считались маргинальными и наивными течениями, оставаясь в тени антропоцентричных философий. Феноменология, экзистенциализм, лингвистика и гуманизм в широком смысле слова стали мейнстримом, на фоне которого развивалась архитектурная теория последних пятидесяти лет. Именно за этот период она потеряла свое собственное содержание, что многие коммен-

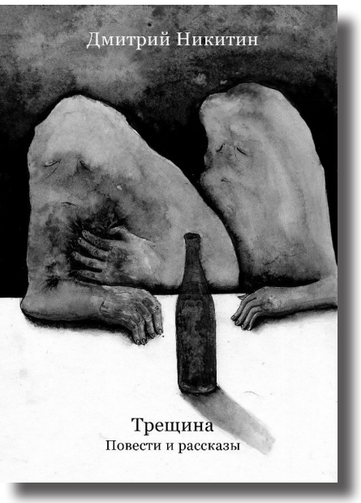
таторы причисляют к главной причине кризиса архитектурной теории.

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: такой поворот Ситар встретил с настороженностью и опаской. Он удивительно долго не замечал Спекулятивный Реализм и даже Б. Латура, одного из предшественников этого движения, упоминает крайне редко, скупо и будто вскользь. В номере ПРОЕКТ international, в котором публиковался текст Латура, Сергей уступил свое право вводной статьи В. Вахштайну, что случалось крайне редко, если вообще не единожды. Первое упоминание о CP в текстах Ситара, которое известно нашей редакции, приходится на вторую половину 2015 года. При том, что CP активно развивается с 2007 года. В описании к выставке И. Кориной и С. Шуваевой в галерее XL Ситар опять же вскользь упоминает одного из ключевых авторов движения К. Мейясу с брезгливым комментарием о «победе реакции, диктатуры рынка… разочарованном отступлении искусства и философии с политической арены», которые Сергей связывает с появлением новых неореалистических онтологий.

Мы думаем, Вам понятен тот трудный выбор, который стоит сегодня перед Ситаром. С одной стороны, если он продолжит игнорировать активно развивающееся направление актуальной мысли, что он пока успешно и делает, то неминуемо начнет терять статус главного «специалиста» по современной философии в архитектурных и художественных кругах и очень скоро перестанет быть интересным для молодых студенток из частных архитектурных школ, его уволят и он сопьется. С другой стороны, у него есть вариант возглавить движение против CP и вступить в публичную полемику по ключевым вопросам. В этом мы очень сильно сомневаемся, потому что Сергей не обладает собственной глубоко проработанной теорией, способной хотя бы нащупать слабые стороны CP. Его коронным приемом всегда был простой пересказ иностранной философии для дремучей архитектурной тусовки. Очевидно, что если никто из сторонних авторов не выдумает критики CP, то сам Сергей будет повержен.

Наш журнал из чувства уважения к Сергею за былые заслуги и личной симпатии хотел бы позволить себе указать ему на возможный выход из сложной ситуации. Артем Морозов как то запостил в FB такое утверждение: «Ланд под наркотой — Лосев без Лифшиц». Наша редакция склонна доверять в вопросах современной философии Артему, поэтому примем ее как аксиому. В первой части этого утверждения упоминается имя Ника Ланда — культовой личности для современных материалистов и спекулятивных реалистов. В 90-х годах он несколько лет преподавал в университете Уорвика, где в то время учились Рэй Брасье и Иан Гамильтон Грант - одни из ключевых представителей движения CP, на которых Ланд оказал значительное влияние, как и на теоретиков левого акселерационизма. Известно, как в 90-х годах Ланд под влиянием рейв культуры практиковал написание своих полу-философских, полу-фантастических текстов под действием кислоты. Конечно, такое не могло продолжаться долго и он покинул академический пост в университете и уехал то ли в Китай, то ли еще куда-то, устроился на обычную работу и продолжал развивать свои проекты уже в интернете, привлекая все новых и новых адептов. Для себя наш внимательный читатель, наверное, уже отметил, что Сергей не прочь воспользоваться изменением сознания для написания текстов, а также его особую страсть к русской религиозной философии и в том числе к А.Ф. Лосеву. Понятно, что Михаил Лифшиц, исповедующий что-то вроде правого марксизма, вряд ли заинтересует Ситара, по крайней мере до сих пор он его не упоминал в своих пересыпанных именами текстах. Наш совет заключается в том, чтобы Сергей практиковал написание текстов во время сеансов изменения сознания и погружался еще глубже в православный мир русской религиозной философии. Именно в таком виде Сергей Ситар может стать предтечей ренессанса отечественной материалистической архитектурной теории.

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА О ТОМ, КАК ОТВРАТИТЕЛЬНО У НАС СТАЛИ СТРОИТЬ.



Д. Никитин. Трещина. Повести и рассказы/ «Голос-Пресс», Москва, 2015

Дмитрий Никитин - современный писатель; его проза достойна внимания каждого, кто считает себя способным к внимательному и чуткому чтению. За эти благородные качества он воздает читателю удивительно тонким и колоритным описанием действительности, которая обладает свойствами плотности, предметности и материальности. Эти атрибуты реальности наша редакция считает важнейшими для человека, пытающегося приблизиться к пониманию архитектуры.

В прозе Никитина часто встречается описание архитектурных объектов. Будь то вокзал в форме головы Серафима Саровского или церковь, расположенная в промышленной зоне, или целый агрокомплекс, здания которого выстроены в форме частей различных животных – описание этих построек просто интересно читать. Они не только являются фоном для персонажей его рассказов, но существуют как будто сами по себе, и когда читатель встречается с ними, они включаются в общий ряд героев на равных правах.

Как автор добивается этого эффекта?

Очень часто герои прозы Дмитрия Никитина находятся в болезненном состоянии гнетущего переживания, которое вызывает страх или перманентное беспокойство. Нервное раздражение особенно остро фиксирует приближающуюся опасность. В этом состоянии каждый элемент реальности раздражает нервные рецепторы, и тогда все тело человека становится ощущающей сущностью, словно комок нервов, прикрытый тонкой, полупрозрачной кожей. Именно такое состояние героев позволяет воспринимать архитектуру всем телом, как это умеют делать осьминоги с окружающей их средой.

Такая модель восприятия – напрямую от тела здания к ощущаемому комку нервов – проскакивает бытовой, а также семантический слой бытия. В рассказах вы не найдете логичного описания построек, вам все время будет казаться, что вы имеете дело с фантастической прозой – но это будет говорить в вас разум, в то время как художественная сила текста будет убеждать вас, что описывается реальность, но такая, с которой вам не приходилось сталкиваться ранее. Кроме очевидно вымышленных зданий и целых городов (Чернокопытов в романе «Кукольный Театр») встречаются на страницах книг Дмитрия и реальные здания, которые проникли в произведения автора. Нашему корреспонденту удалось встретиться с Дмитрием; и тогда он провел небольшую экскурсию по району Нахимовского проспекта в Москве, месту дейстия повести «Возвращение к жизни».

Одним из таких зданий стал экспериментальный жилой дом по адресу Нахимовский, 22 – известный в народе как «Бастилия». Автор метко подмечает, что это здание обладает двумя контрастными сторонами. Одна сторона, которая обращена в сторону Нахимовского проспекта, описана автором как «длинное здание с множеством мутных окон и заваленных хламом балконов». Другая, обращенная во двор, «выложена кирпичом и выглядит совершенно не так, как обратная». Далее в рассказе описывается, как эта двойственность «лица» и изнанки выводит из равновесия героя, точно так же, как мерзкие и неприятные люди, встречающиеся на его пути. Еще одним зданием, попавшим в текст, стал храм прп. Евфросиньи Московской, расположенный неподалеку. Главный герой, остро переживающий свою социальную исключенность из жизни, при встрече с храмом отмечает для себя, что церковь, «расположенная на обочине широкого проспекта напоминает крепостное укрепление на берегу реки или коренастый дуб, глубоко уходящий в землю мощными корнями». Выкорчеванность героя из жизни контрастирует с основательностью здания: «Вот кто прочно стоит на земле» – думает он. Внутренние чувства материализуются во внешнем мире, в архитектуре. Граница между внешним и внутренним стерта.

Таким образом, проза Никитина становится острым инструментом критики. На следующем развороте вы сможете ознакомиться с описанием еще одного реального здания с Нахимовского проспекта – так называемого БЦ «Лотос», спроектированного архитектурным бюро SPEECH. Нужно отметить, что Дмитрий не был знаком с творчеством этой команды, но удивительно точно уловил характер одного из авторов этого испражнения современной строительной индустрии.

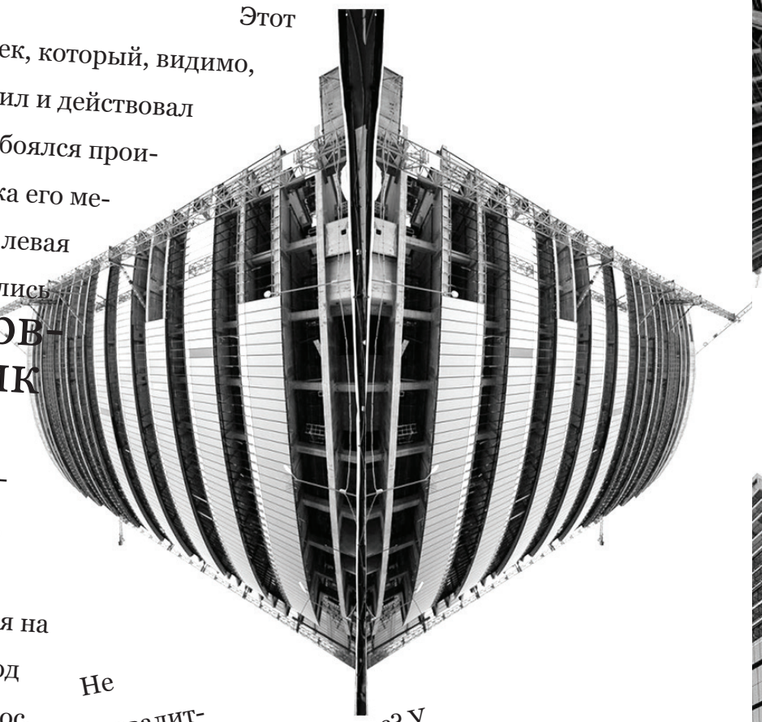
Вердикт, который выносит Дмитрий Никитин современному положению дел в архитектурной отрасли словами своего героя: «КАК ОТВРАТИТЕЛЬНО У НАС СТАЛИ СТРОИТЬ!» редакция Записок Тафури целиком и полностью разделяет и желает Дмитрию продолжать и дальше радовать нас своими текстами!

Монумент. Памятник погибшим в Великой Отечественной войне. рассказ «У железной дороги»

ЗАПИСКИ ТАФУРИ

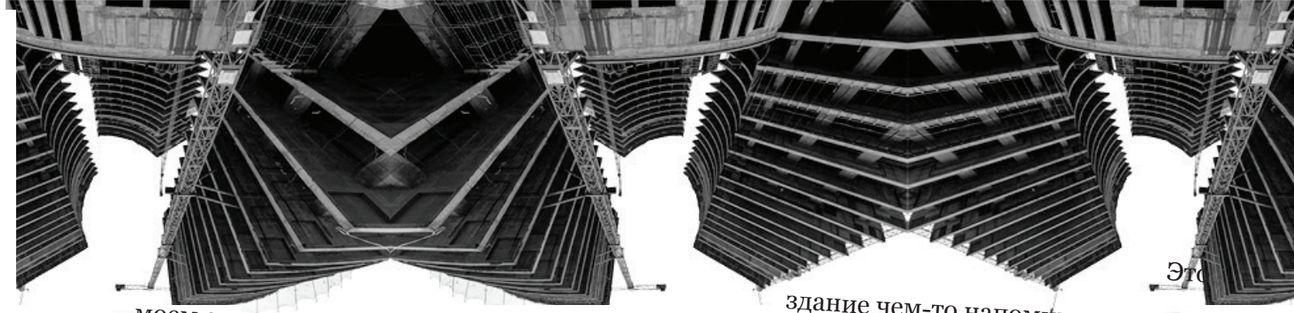
Этот человек, который, видимо, распоряжался ходом строительства, говорил и действовал с лихорадочной поспешностью, как будто боялся проиграть сражение. В то время, как правая рука его металась, словно испуганная птица в клетке, левая была неподвижно прижата к груди. Двигались только ее пальцы, которые быстро и **нервно теребили воротник мундира.**

...он носил очки с толстыми стеклами, грязными и покрытыми разводами – вероятно, он протирал их **немытыми пальцами** – но даже несмотря на это подслеповато щурился и моргал. Из-под очков вылезал приплюснутый, широкий нос, своими очертаниями напоминающий гитару, упиравшийся в **жирные**, до крови **искусанные губы**. Обрамляли лицо сверху и снизу маленький лоб и большой подбородок, гладкие и очень похожие друг на друга, напоминающие разделенные скорлупки яйца.



Не развалится там что-нибудь без вас? У меня, честно говоря, такое впечатление, что здание вот-вот **треснет** сверху донизу и **распадется** на две части.

Нет, ничего не случится... Собственно говоря, указаний в действительности и не требуется: **я – автор проекта**, а не прораб, и рабочие сами, без меня знают, что делать. **Я просто очень люблю командовать** и в связи с этим надеваю военную форму, выхожу на стройку и отдаю здесь всем распоряжения

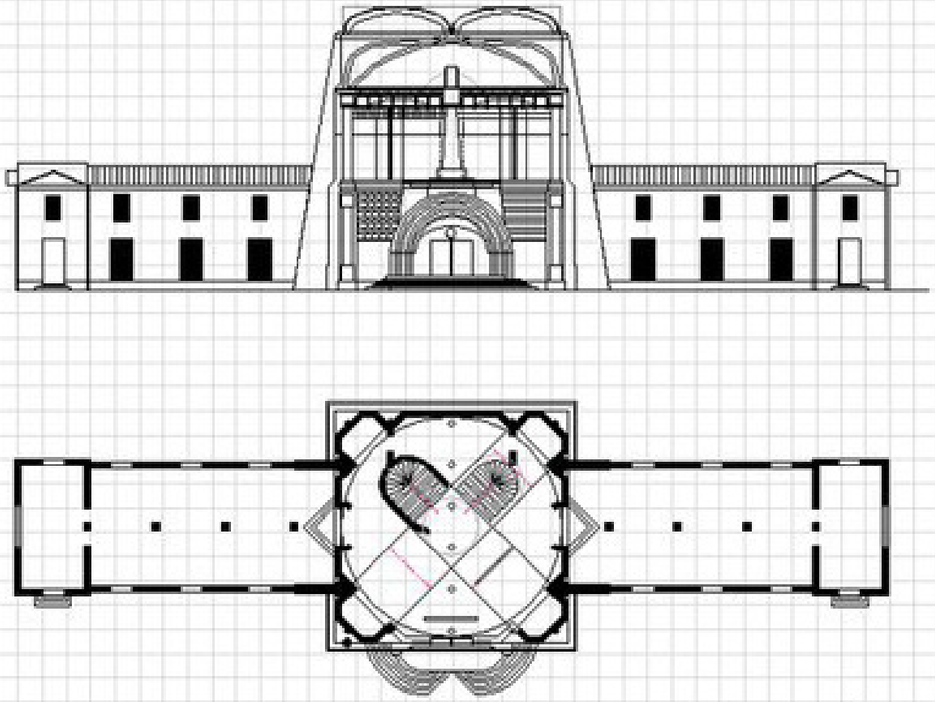


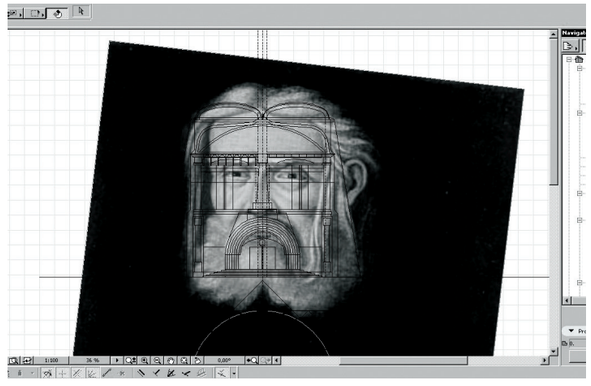
Это здание чем-то напоминает мне о моем сне с панно». Действительно, теперь, приглядевшись, Иван увидел, что контуры здания-лица были сложены не просто из плит, а из сложных геометрических фигур, в которых были и какие-то инородные вкрапления: где-то **куски** стен были заделаны досками, где-то – пенопластом, а на некоторых участках и вовсе торчали какие-то **клочья грязной шерсти**. Большинство окон здания оставались пустыми, но небольшая часть была все-таки застеклена; иные же были заложены картоном или заклеены мутной пленкой.

«**Как отвратительно у нас стали строить!**»

оно напоминает по форме человеческую голову, сидящую на **жирной шее**. На лице выделялся двойной подбородок, **отвисший мешком**, пухлые щеки и нос-картошка. Эти черты отчасти напоминали ребенка, но скорее могли бы принадлежать толстому и **глупому взрослому человеку**. В них читалось выражение какой-то **наивной жадности**, словно изображенный человек готовился открыть рот и проглотить большой кусок чего-то сладкого.

Некоторые из иллюстраций ЗТ для книги Дмитрия Никитина «Трещина», 2015г.

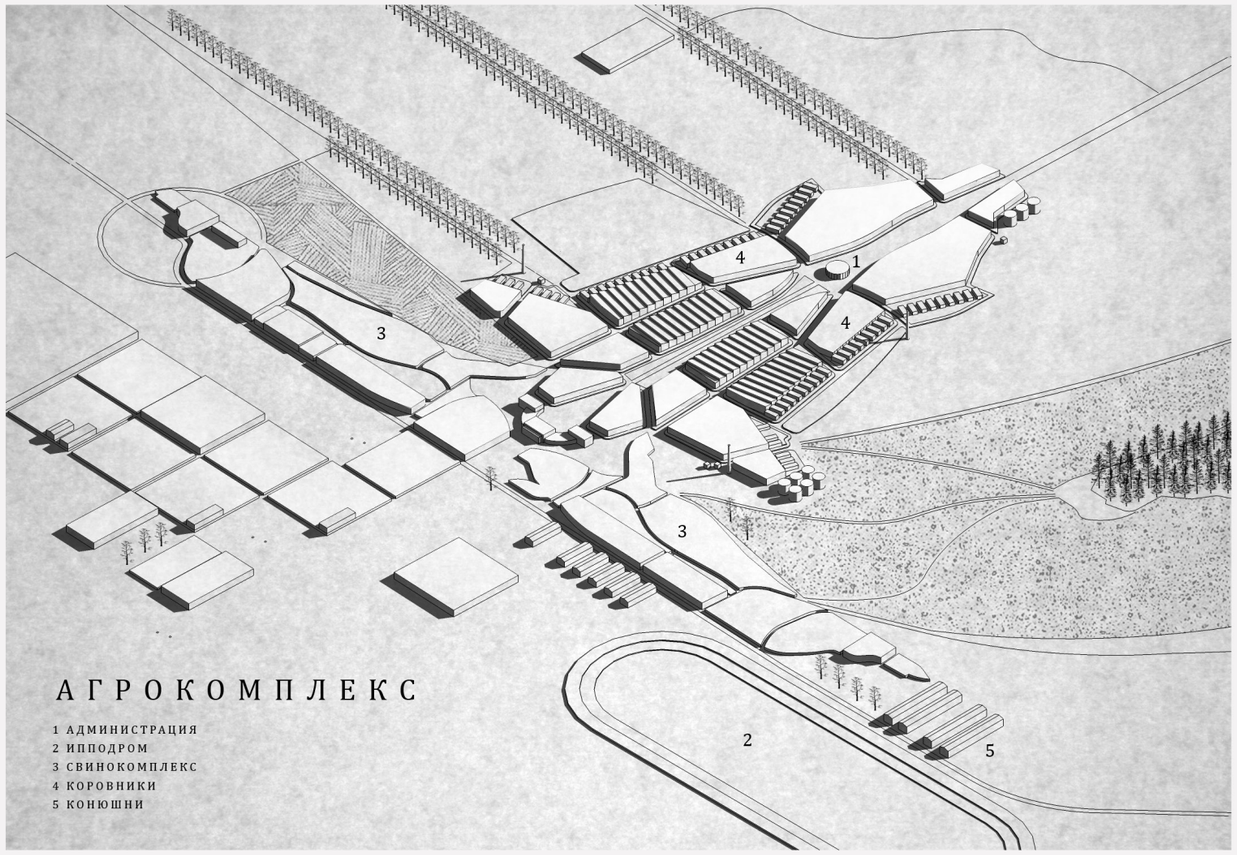




Фасад, план, эскиз вокзала
рассказ «Санаторий»

Вокзал
рассказ «Санаторий»

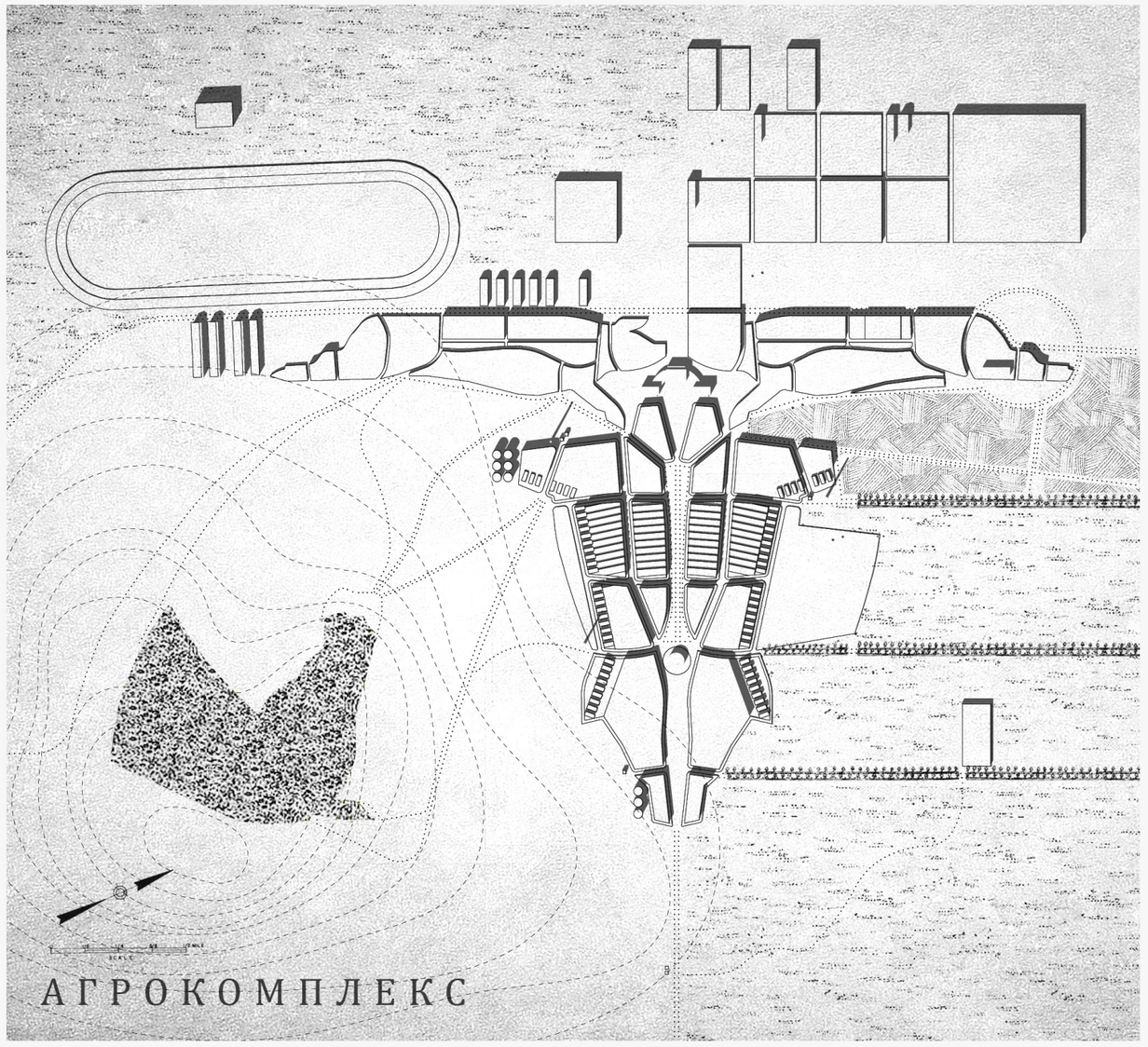
ЗАПИСКИ ТАФУРИ



Вид агрокомплекса с птичьего полета
рассказ «Санаторий»

ВНИМАНИЕ! РЕБУС!

Какой тип архитектурной композиции церковного здания символизирует эта картинка? Ответ на стр.48



Генплан агрокомплекса
рассказ «Санаторий»

АНТИ-ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО: САКРАЛИЗАЦИЯ ПОДВОРОТНИ

4 ИЮНЯ / 17:20

27 ИЮНЯ / 11:48

27 ИЮНЯ / 13:43

5 ИЮНЯ / 09:37

5 ИЮНЯ / 16:57

9 ИЮНЯ / 18:48

27 ИЮНЯ / 19:16

30 ИЮНЯ / 13:21

1 ИЮЛЯ / 12:39

11 ИЮНЯ / 17:53

11 ИЮНЯ / 18:19

16 ИЮНЯ / 11:53

7 ИЮЛЯ / 19:34

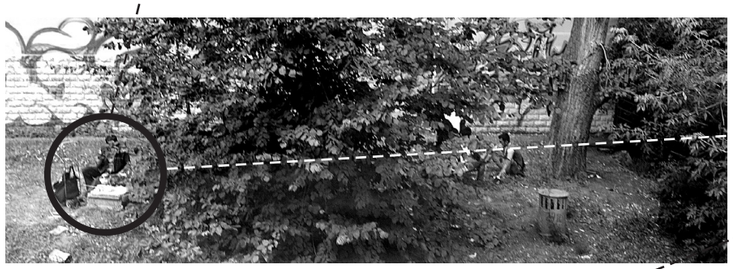
10 ИЮЛЯ / 19:33

10 ИЮЛЯ / 20:16

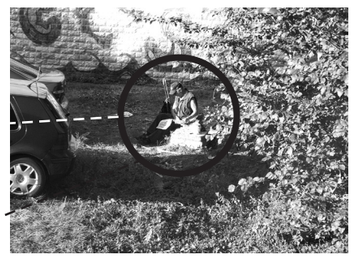
16 ИЮНЯ / 12:24

17 ИЮНЯ / 11:30

20 ИЮНЯ / 11:45



16 ИЮЛЯ / 19:32



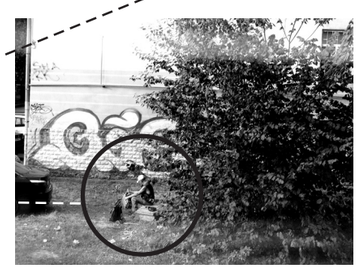
22 ИЮЛЯ / 19:42

20 ИЮНЯ / 13:19

20 ИЮНЯ / 19:32

23 ИЮНЯ / 20:14

28 ИЮЛЯ / 19:56



31 ИЮЛЯ / 19:24

6 АВГУСТА / 16:11

Антиобщественное пространство

Последние пять лет главной и самой популярной темой в архитектурной тусовке стали так называемые «общественные пространства». Праздные прогулки без алкоголя не входят в интересы нашей редакции, поэтому достойных вашего внимания наблюдений из этих мест города у нас нет.

Все эти призывы проектировать и продумывать пространство «между домами», а не сами дома мы считаем злостной пропагандой социологизированного подхода к городу. Если следовать логике рядового урбаниста, который настаивает на том, что архитектор «не может обладать полнотой знания для принятия решений» и именно поэтому необходимы подробные социологические исследования – необходимо будет признать важность исключенных из идеализированных представлений об обществе слоев населения и их практик в городе. Мы как особые ценители антиобщественного поведения в общественных местах решили провести свое «урбанистическое» исследование, сфокусировав внимание на одной московской подворотне в центре города.

Подошли мы к этому с особой тщательностью и запланировали долгосрочное исследование на целый год, что не может позволить себе ни один позерский урбанист современного пошиба. Из тайного укрытия, т.е. из окна второго этажа, три летних месяца 2014 года мы фиксировали по разработанной методике всех посетителей подворотни, делали пометки об их видах деятельности, производили фотофиксацию, в отдельный столбик записывали примечательные факты.

Приведем несколько примеров. Самым регулярным посетителем подворотни стал мужчина около 60 лет, который посещал это место с целью пообедать, присаживаясь на бетонный блок, расположенный в центре композиции исследуемого пространства. Он приходил с хозяйственной сумкой-тележкой в половине восьмого вечера, извлекал из нее стеклянные банки с супом и пожирал их содержимое. Частыми гостями были разные молодые люди, которые приходили освежить горло холодным пивком в жаркий летний день и перекинуться парой слов со своими товарищами. Молодые и не очень девушки использовали подворотню в качестве общественного туалета. Гастарбайтеры пользовались бетонным блоком, чтобы совершить омовение ног перед намазом. Однажды два шлимазла раскурились через бутылку. Еще был один странный персонаж, который явился в подворотню, развел небольшой костер и тщательно сжег некие улики, помогая прогореть предмету дотла длинной палкой.

В сентябре 2014 года, когда интенсивная часть исследования была закончена, у бетонного блока появились цветы, лампада со свечой, мягкая игрушка и записка. На листке бумаги был запись примерно следующего содержания: «Просим не трогать свечу, здесь погибла наша дочь». Мы немало прихуели от такого поворота событий. Выяснить, при каких обстоятельствах это произошло, нам не удалось.

С тех пор жизнь в подворотне изменилась. Летом 2015 в этом тихом закоулке не было того разнообразия видов использования, которые мы наблюдали в прошлом году, лишь свеча и детские игрушки постоянно обновляются.

Наблюдение маргинальных мест в городе продолжается…

Sergey Makarov's Space Architecture

Космическая Архитектура Сергея Макарова

HAMMER

ENGLISH VERSION

РУССКАЯ ВЕРСИЯ

WORLD TIMES				I R
AFRICA	AMERICA	ASIA	AUSTRALIA	EUROPE
Cairo	New York	Beijing	Adelaide	Riga
14:44:34 Dec 23	07:44:34 Dec 23	20:44:34 Dec 23	23:14:34 Dec 23+	14:44:34 Dec 23
Local Time: 15:44:34		12h 24h	No DST Local Date: December 23, 2015	

Buttons Key: I - info, R - reset. + symbol after the date means the script has added DST.

Who links to this website?

ЗАГЛАВНАЯ СТРАНИЦА САЙТА ИНЖЕНЕРА СЕРГЕЯ МАКАРОВА

HTTP://HAMMER.BAS.LV

ИНТЕРВЬЮ С ИНЖЕНЕРОМ МАКАРОВЫМ – HAMMERОМ

Делай что должен и будь что будет!

"...во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь". (Ветхий Завет. Екклесиаст, глава 1, стих 18)

Юмор
Начало
Об авторе
Мои уроки
RGB - квадрат
Мысли великих
Семь чудес света
Мои стихи и песни
Поздравления в стихах
Закон Мировой Гармонии
Архитектура Космоса
Золотая Спираль
Тройная Спираль
Мой КОСМОС
Непознанное
Мой СПИД
Моя проза
Разное
Новости
Публикации
В "Избранное"
Письмо Автору
Моя Философия
Задачник Макарова
Конструкции Макарова
Путь Бакминстера Фуллера

Перед Вами - персональный сайт "HAMMER" инженера Макарова Сергея Григорьевича, который прошел уже длинный жизненный путь и которому есть чем поделиться с другими людьми.

Если Вы не сильны в английском языке, сообщаю: слово "HAMMER" переводится на русский язык как "МОЛОТОК". Лично мне это слово придает некоторую "бодрость духа" (вспомните, как человек подпрыгивает после удара по пальцу молотком).

Если Вы человек любознательный, воспользуйтесь приведенными слева ссылками: не исключено, что они окажутся для Вас полезными.

Живые часики-календарь в левом верхнем углу страницы должны напоминать читателю о скоротечности нашей жизни... Старайтесь успеть сделать в жизни все, что вы запланировали, но еще не успели выполнить. Отто Фон Бисмарк на эту тему высказался так: "Учись так, как будто тебе предстоит жить вечно. Живи так, как будто тебе предстоит умереть завтра".

Вот, примерно так я и живу...

Я разрабатывал свой сайт для просмотра с помощью броузера INTERNET EXPLORER. Как недавно выяснилось, пользователи, например, GOOGLE CHROME или APPLE SAFARI при этом совершенно не видят не только мои часики-календарь сверху слева. Они не видят даже самого названия моего сайта - бегающей вправо-влево надписи "HAMMER", которая расположена выше надписи "Делай что должен и будь что будет!" А жаль...

Всего Вам наилучшего!
Сергей **Гри**горьевич **М**акаров (короче: "**Сегрим**" или "**Segrim**").

Примечания:

- все материалы данного сайта, которые не имеют ссылок на источники, являются собственностью автора; при перепечатке или использовании иным способом любых материалов с сайта, ссылка на этот сайт **(http://hammer.bas.lv/)** обязательна.
- я частенько перестраиваю свой сайт, "тасуя" его разделы; при этом возможны разные погрешности в виде плохих ссылок; если читатель обнаружит не работающую или не правильно работающую ссылку, прошу сообщить об этом автору.

Автор всего содержания, дизайна, программирования сайта и перевода его на английский язык - инженер Сергей Макаров

2010

С.Г.Макаров (Segrim)
Рига, 2015. Фото спецкора ЗТ

«Записки Тафури» продолжают знакомить Вас с удивительными людьми. На этот раз наш корреспондент взял интервью и лично встретился с инженером Макаровым, который является единоличным автором и техническим исполнителем сайта http://hammer.bas.lv
Любой, кто посетит этот сайт, не останется равнодушным и найдет себе по душе тему для изучения, ведь спектор интересов Сергея Макарова чрезвычайно широк. Отдельно стоит отметить фантастический дизайн сайта, которому позавидовали бы даже эстеты из Guerrilla.
Сам контент сайта - проблема СПИДА, конструкции, раскрывающиеся в космосе, Закон Мировой Гармонии, переводные материалы, песенное творчество и многое-многое другое - впечатляет своей душевностью и космическим масштабом .

Ботинок инженера Макарова
Рига, 2015. Фото спецкора ЗТ

З.Т.: Сейчас одним из самых известных архитекторов в мире является Норман Фостер. О его работе снят документальный фильм «Сколько весит ваше здание, мистер Фостер?».

Именно этот вопрос задал Норману изобретатель Бакминстер Фуллер, чем поставил Фостера в тупик. До этого он никогда не думал об этом. А какие вопросы задали бы Вы современным архитекторам?

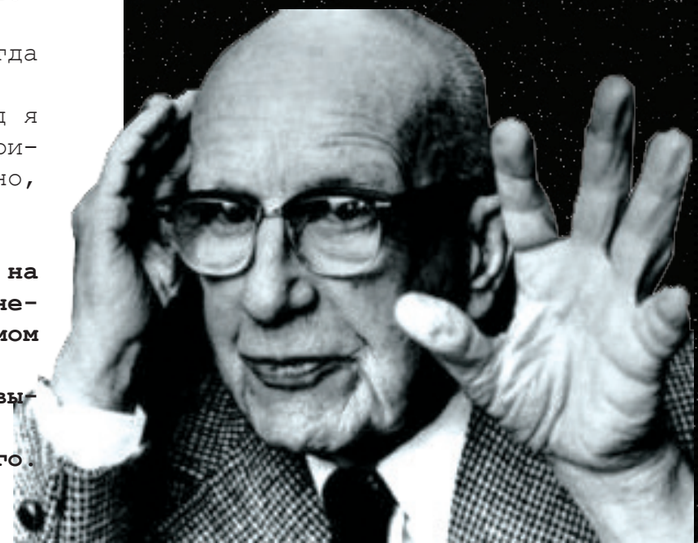
С.Г.: Я очень внимательно просмотрел весь фильм «Сколько весит ваше здание, мистер Фостер?». Могу сказать, что Фостер – крайне интересный архитектор. Однако этот вопрос, адресованный архитектору, я считаю довольно глупым. В фильме сказано, что Фостер на этот вопрос Фуллера ответил только через сутки, его ответ был «5328 тонн». Ну и что из этого ответа мы должны извлечь? Ничего. Тогда и задавать такой вопрос не имеет смысла. Другое дело - если бы такой вопрос был задан, например, разработчику самолета.
Я плохо знаком с современной архитектурой. Однако меня очень впечатлила архитектура Сантьяго Калатравы и Захи Хадид - она по-настоящему динамична.
Я бы современным архитекторам не стал задавать никаких вопросов. Когда-то один маститый поэт дал совет начинающему поэту: «Если можешь, не пиши…»
Так вот, я бы сказал современному архитектору: «Если можешь, не твори…»
Творить нужно только тогда, когда иное для тебя невозможно.
На тему одного проекта Захи Хадид я написал очень критичную статью. Прилагаю ее к данному письму. Возможно, она покажется вам интересной.

З.Т.:Нам близки Ваши взгляды на подобные проекты. Строить такие необоснованно дорогие объекты в самом деле преступно!
Это наталкивает на вопрос о самовыражении через архитектуру и, в противовес, красоте функционального.

Я БЫ СКАЗАЛ СОВРЕМЕННОМУ АРХИТЕКТОРУ: «ЕСЛИ МОЖЕШЬ - НЕ ТВОРИ!»

ИНЖЕНЕР МАКАРОВ

АРХИТЕКТОР, ИНЖЕНЕР, ИЗОБРЕТАТЕЛЬ БАКМИНСТЕР ФУЛЕР



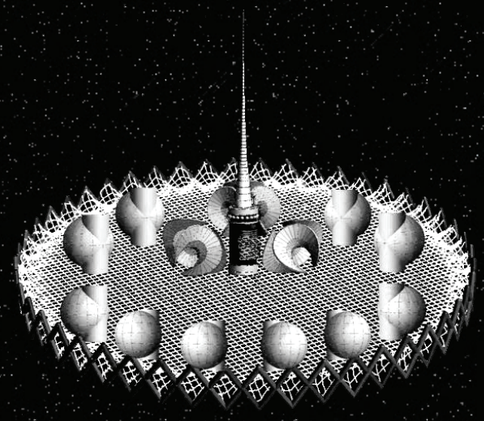
Инженеры часто ругают архитекторов за то, что те «рисуют» свои проекты. Как Вы можете объяснить способность человека испытывать эстетические переживания от чистоты конструкций?

С.Г.: Я не знаю, что вы называете «чистотой конструкций». В моем представлении архитектурная форма и ее инженерное обеспечение в грамотном проекте должны быть увязаны очень лаконично, а не так, как в указанном проекте центра водных видов спорта в Лондоне. В каждом человеке заложено какое-то чувство эстетики и гармонии. Когда мы встречаемся с шедевром (например, архитектурным), то у нас возникает внутри какой-то трепет. Он объясняется интуитивным чувством гармонии, которое имеется у очень многих людей.
Если бы вы только знали, как сердце «идет вразнос» по мере приближения к истине. Я имею в виду свой опыт, который я приобрел в процессе открытия моего «закона мировой гармонии». Думаю, что на этом пути уже немало людей получили инфаркт со смертельным исходом…

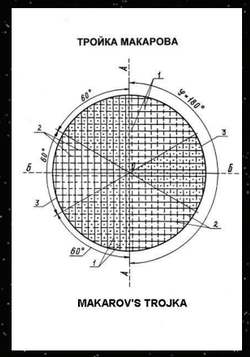
З.Т.: Вы дважды применяли свой «Закон мировой гармонии» для решения мировых проблем. Первый раз - когда решали проблему СПИДА и второй - когда случилась трагедия в Фукусиме. Сегодня угрозу мировому порядку многие видят в действиях Исламского Государства. Как по-вашему может быть решена эта проблема?

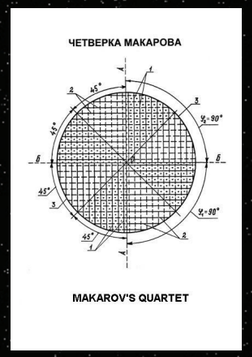
С.Г.: Прошло уже 26 лет - результат нулевой. В 2010 году я завел свой сайт и описал на нем все свои научные успехи. Результат почти нулевой. С мая 2010 года я о решении проблемы СПИДа написал уже несколько тысяч электронных писем специалистам по СПИДу, журналистам, академиям наук... Результат почти нулевой. Год назад я дал себе клятву: не применять свой закон ни к одной проблеме человечества до тех пор, пока человечество не признает моего решения проблемы СПИДа. Буду соблюдать свою клятву до самой смерти.

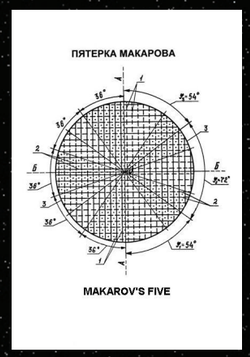
ЗАСТРОЕННАЯ РАСКРЫВАЮЩАЯСЯ КОСМИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА

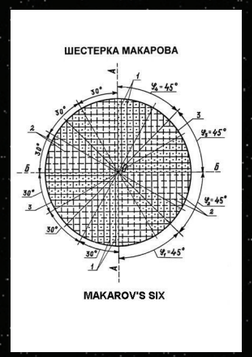


СХЕМЫ СОВМЕСТИМОСТИ ВАНТОВЫХ СЕТЕЙ









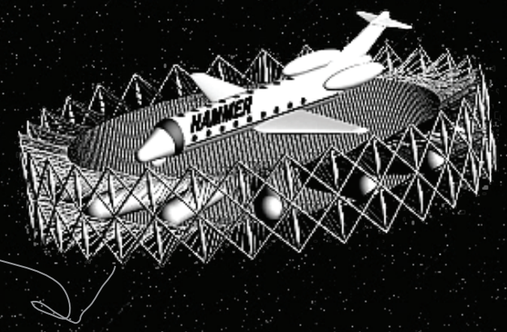
З.Т.: А какое увиденное в натуре архитектурное сооружение впечатлило Вас больше всего?

С.Г.: Обычно я не выделяю себе в «любимчики» ни объекты, ни людей, ни картины.
Специально для вас я попросил себя сделать это и вот что получилось:
1. океанариум в «Городе Науки», Испания (http://hammer.bas.lv/cent_22.htm#X02);
2. башня Эйфеля в Париже.
Эти объекты являются истинными шедеврами инженерно-архитектурного искусства, есть чему поучиться у их создателей…

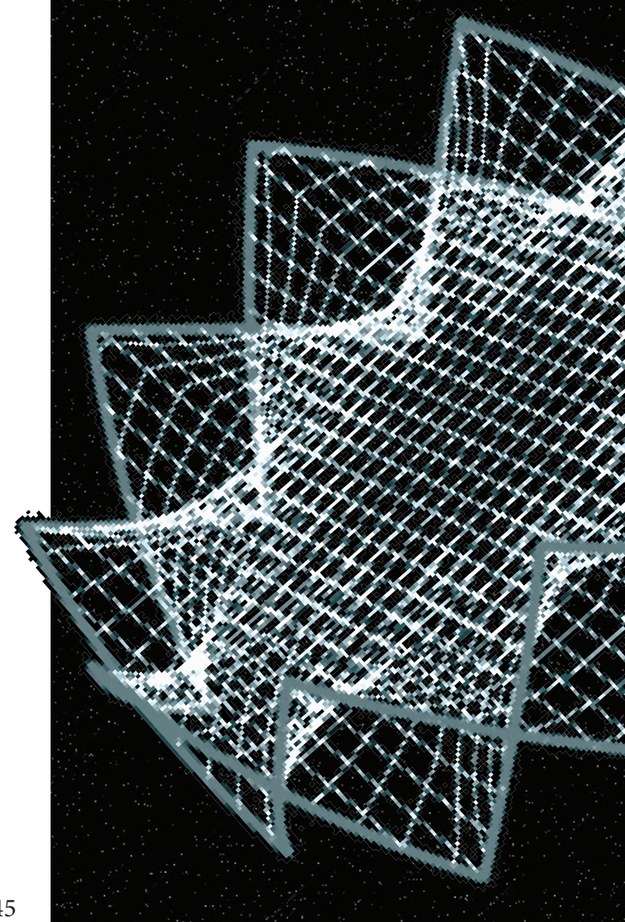
З.Т.: Сантьяго Калатрава меня на самом деле смущает тем, что в определённых моментах над ним будто берёт верх желание выразить себя через постройку, и это превращается в непонятное высказывание.
Как Вы вообще относитесь к такому явлению? Ведь у Захи Хадид в поздних работах тоже прослеживаются попытки такого самовыражения.Шигеру Бан - ещё один хороший пример. Его ранние проекты, выполненные из бумажных трубок, целью ставят вторичное использование, быстровозводимость и экономию средств. Это очень красивая малая архитектура, там много стекла и тканевых мембран. На пике славы он строит временный павильон в Парке Горького в Москве, но внутри «бумажных» колонн уже стоит обычный металлический каркас, поддерживающий тяжёлое плоское перекрытие. Вышло так, что смысл потерялся, а образ просто эксплуатируют для поддержания авторитета или чего-то ещё.

С.Г.: Я «фундаментальный конструктивист». Постройки из бумаги, картона, бамбука… (Шигеру Бан) меня не интересуют вовсе. В моей архитектуре все должно быть «всерьез и надолго», при этом и инженерная, и архитектурная части должны сплетаться воедино – тогда возникает шедевр..
То, что через свою постройку архитектор занимается самовыражением, вовсе

СОВРЕМЕННАЯ ПОСТОЯННАЯ КОСМИЧЕСКАЯ ГОСТИНИЦА



РАЗНОВИДНОСТЬ РАСКРЫВАЮЩЕЙСЯ КОСМИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ



не удивительно. Каждый в своей архитектуре старается показать то, чего не было раньше – это и есть самовыражение, новизна. Это вполне естественно не только для архитектуры, но и для любой творческой деятельности.
Сантьяго Калатрава и Захи Хадид – молодцы. В их архитектуре присутствует именно индивидуальная неповторимость, что и требуется в архитектуре. Свой подход, стиль, необычность образа – это и требуется архитектору для того, чтобы его запомнили…
Таково мой мнение.

З.Т.: Сергей Григорьевич, могли бы Вы привести пример каких-либо явлений (из более близких нам по теме) в изобразительном искусстве или архитектуре, подчинённых Закону мировой гармонии?

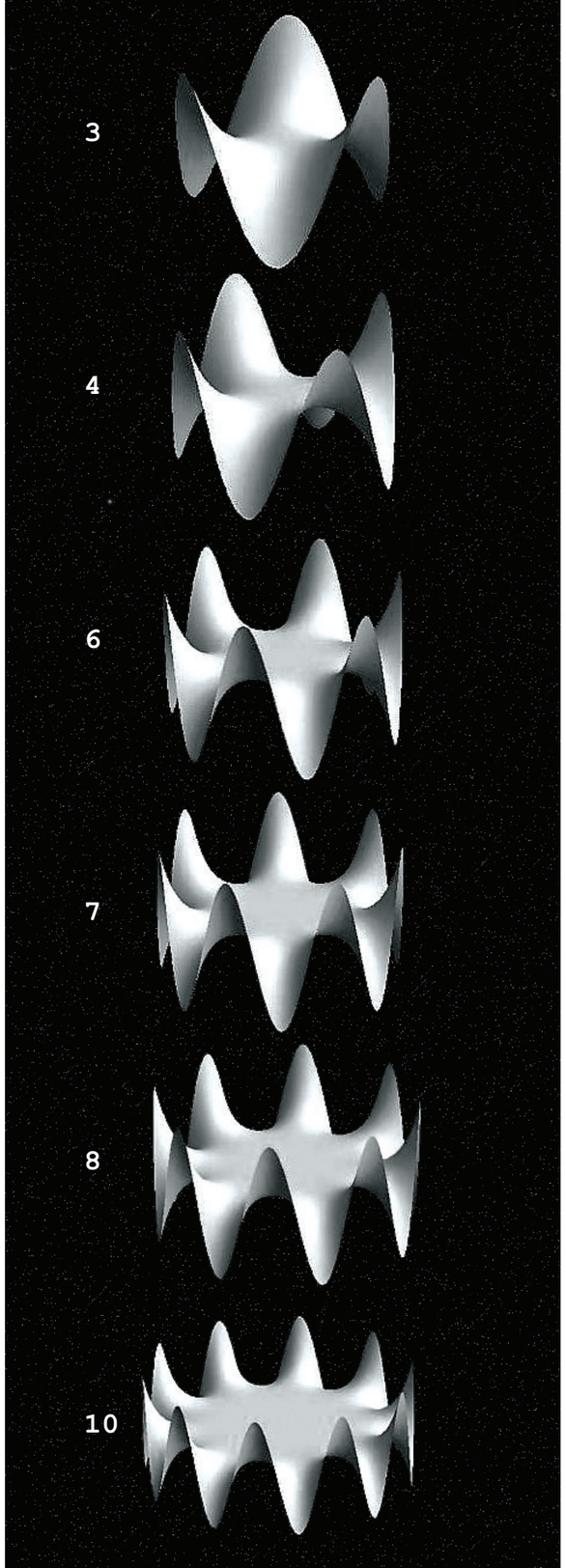
С.Г.: Пример применения ЗМГ в нашей жизни вы найдете в статьях:
«Закон мировой гармонии» (см. позиции 39 и 40 в разделе «Публикации» на моем сайте)
«Открытие в области механики» (см. позиции 41-43 в разделе «Публикации» на моем сайте)

З.Т.: Почему в RGB-квадрате Макарова известь соотнесена с зеленым цветом?

С.Г.: Название «известь» зеленому цвету придумал не я, так было в первоисточнике: см., например, вот это - http://www.life-prog.ru/2_38320_tsvetovie-spetsifikatsii.html. Здесь цвет, закодированный как 00FF00, назван «известь» (на английском языке – «lime»). Причина этого мне неизвестна, я просто перенес это слово на свою схему.

З.Т.: В заголовке Вашего сайта можно прочитать строки из Ветхого Завета: «во многой мудрости много печали…», а также прочитать о значительном количестве «неудач», которые Вас постигли на пути распространения Ваших открытий. При этом Ваше видение будущего архитектуры, да и человечества в целом – достаточно оптимистичны. Поле-

КОНСТРУКЦИИ МАКАРОВА С РАЗЛИЧНЫМ ЧИСЛОМ КОНТУРНЫХ ВОЛН. НАРИСОВАНЫ ЛИЧНО ИНЖЕНЕРОМ В ПРОГРАММЕ MATHEMATICA



ты в космос, строительство в безвоздушном пространстве и т.п. Как Вам удается совмещать суровую реальность настоящего и веру в будущее?

С.Г.: Я от природы созидатель и оптимист. Вспомните, например, К.Э. Циолковского: в его время о космических полетах никто и не думал, а он до конца своих дней разрабатывал в этом направлении свою стройную теорию. Если я потеряю свой оптимизм, я просто умру. Для меня сам процесс созидания (то, что я описываю на своем сайте) – это просто «естественный способ моего существования», который может и не иметь вообще никакой цели.

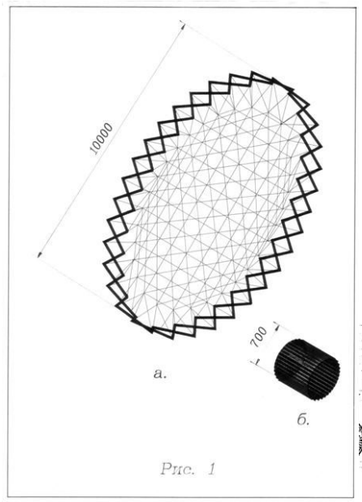
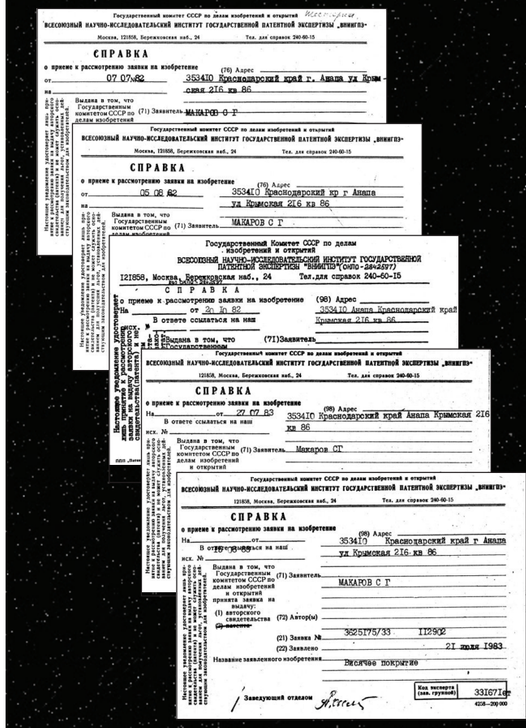
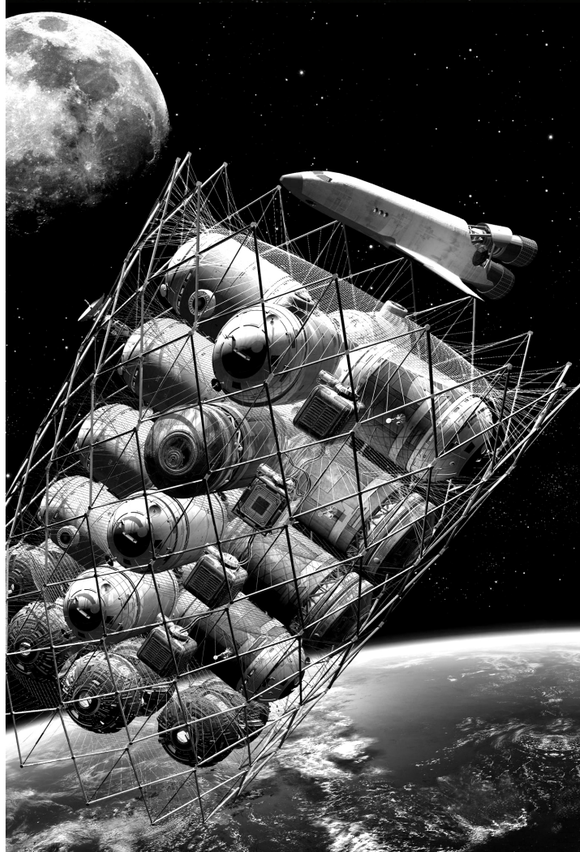


Рис. 1

ПАТЕНТЫ НА ИЗОБРЕТЕНИЯ С.Г.МАКАРОВА

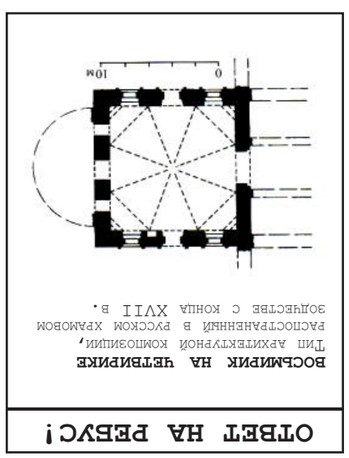


КОНЦЕПТ МНОГОЭТАЖНОГО КОСМИЧЕСКОГО ОТЕЛЯ, СОЗДАННЫЙ ХУДОЖНИКОМ НИКОЛАЕМ ПЛУТАХИНЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВАНТОВЫХ СЕТЕЙ СЕРГЕЯ МАКАРОВА



Леббеус Вудс. Архитектура и война (Pamphlet Architecture 15: War and Architecture, 1996)

Архитектура и война нераздельны.
Архитектура - это война. Война - это архитектура.
Я нахожусь в состоянии войны с прошлым и сегодняшним днем, со всеми формами установленной власти.
Я один среди миллионов тех, кто не вписывается ни в какие рамки, кто лишен крова, семьи и веры, своего места, заранее намеченного плана, «священной и родной земли».
Я объявляю войну всем образам и всякому завершенному, всем обстоятельствам, которые оставляли бы меня наедине с моими заблуждениями и моими жалкими страхами.
Я знаю лишь мгновения времени, целые жизни таких мгновений, и бесконечно прочные формы, рождающиеся и тут же «тающие в воздухе».
Я - архитектор, создатель миров, гедонист, поклоняющийся плоти, мелодии, очертаниям на фоне темнеющего неба.
Я не знаю вашего имени. Вы не знаете моего.
Завтра мы вместе будем строить город.



Т.к. мы искренне считаем, что иллюстрации Леббеуса Вудса не представляют никакой культурной ценности, то было решено украсить этот текст прекрасными работами художника из Минска Anton Barchatkou.

Эта небольшая книга посвящена жителям Сараево, города, который во время ее написания все еще находился в состоянии начавшейся более четырнадцати месяцев назад страшной бессмысленной осады. Я надеюсь, что те идеи, которые придуманы вдали от этого места, тем не менее, прямо помогут им, и каким-то образом, когда настанет время, способствуют восстановлению города и нормальной в нем жизни.
Горят башни Сараево. Монументы прогрессу и просвещению, воздвигнутые из стали и стекла в эпоху индустриального общества, превратились в обгорелые каркасы - и вместе с ними сгорели все идеи и ценности, которые они воплощали. Небоскребы Сараево стали мишенями для расположенной на прилегающих холмах артиллерии - вместе с минаретами и мечетями, городской библиотекой, корпусам и университета, почтой и всеми теми зданиями, которые символизировали разум и веру в гуманную мирную жизнь. Их уже нельзя было спасти после обстрела зажигательными снарядами. Но разрушена оказалась не только городская инфраструктура как таковая - вместе с ней погибла и как таковая ткань смысла. Горящие башни Сараево – это символы конца эпохи разума, если не разума вообще, по ту сторону которого лежит абсолютно лишенное смысла пространство тьмы. Однако война не ограничивается только этим городом, как и не заканчивается она на Балканах, для которых Сараево когда-то был символом терпения и надежды, а теперь стал символом отчаяния и страха. Вооруженные конфликты в той или иной форме разыгрываются в Азербайджане, Молдавии, Грузии, Афганистане, Кашмире и Шри-Ланке, в Израиле и Ливане, в Анголе и полудюжине других африканских стран, в Северной Ирландии, Перу, Колумбии. В южной части Лос-Анджелеса разгорелось гражданское восстание, которое неожиданно прокатилось через весь город как настоящий шторм, оставляя после себя не только разрушения, но также иллюзии об иммунитете Америки, в отличие от других стран, к насилию. В Германии забрасывают бутылками с горючей смесью дома, где проживают гастарбайтеры, что в свою очередь приводит к беспорядкам, которые лишний раз демонстрируют, насколько хрупким является порядок в одной из самых цивилизованных стран мира. И хотя никто, находясь в здравом уме, не желает подобного, впереди наверняка нас ждет еще очень многое, по мере того, как мир, словно огромная глыба льда, постепенно будет оттаивать после холодной войны, разваливаясь на куски

Кошка Ульрика, Х/М, 2015.

Триптих «Винтовка - это праздник», Х/М, 2015.

вдоль непредсказуемых трещин. И особенно ужасной эта картина выглядит в конце века мировых войн, который вроде как должен был преподать нам урок бессмысленности массового насилия. Но эта вырисовывающаяся картина жестокости обладает, тем не менее, способностью самоисцеления. Только в суровой борьбе можно вернуть надежду на изменение ее трагического рисунка. Только перед лицом безумия сознательного разрушения разум может заново поверить в себя.
Нью-Йорк, 27 июня 1993 года

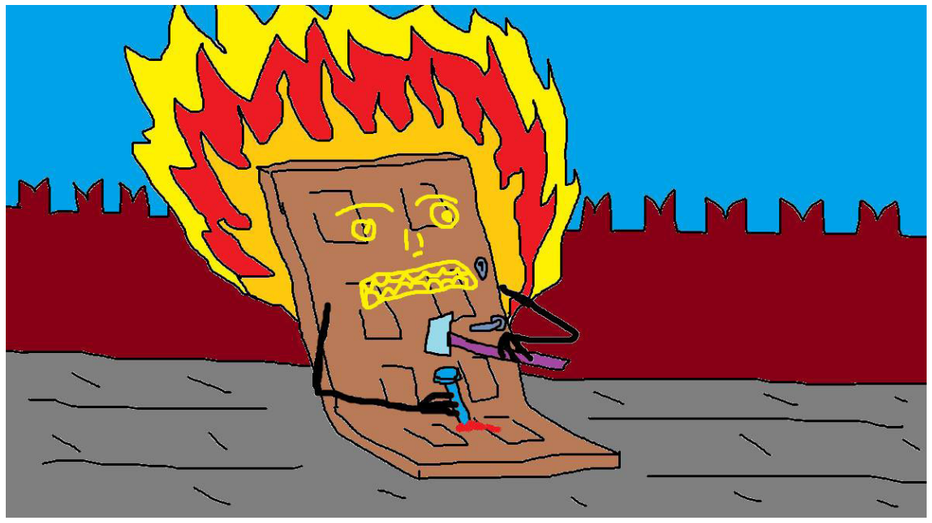
АРХИТЕКТУРА ПОЗНАНИЯ

Является ли знание, на основе которого люди совершают свои поступки, объективным, относящимся к реальности независимо от субъективного мышления? Да, согласно принципам классической науки: идеализму Платона, дуализму Декарта, механике Ньютона, классической теории причинности Эйнштейна. Такова реальность, в которой силы распределяются иерархично и согласно статичному балансу, который диктует рациональный детерминизм.
Или все-таки знание экзистенциально? Может быть, это знание о мире, в котором существование предшествует сущности, и где оно не может подтверждаться ссылками на независимую от мышления реальность? Так и есть, согласно основоположениям квантовой теории (матричной механики в копенгагенской интерпретации) и кибернетики (рекурсивные и закрытые системы). Это реальность, в которой силы перемещаются внутри сдвигающихся, динамических полей самодетерминации, самоорганизующихся систем, известных как гетерархии – номады и потоки Делеза. Согласно этим принципам, абсолютным и одновременно относительным, категории объективного и субъективного лишаются смысла.
Какие из этих принципов верны? Как мог бы сказать хороший (или лицемерный) классический ученый - те, которые лучше работают. Как мог бы сказать хороший (или лицемерный) экзистенциалист –

те, которые подтверждаются практикой.

АРХИТЕКТУРА КАК ВОПЛОЩЕННОЕ ЗНАНИЕ

Архитектура – это синтетическая деятельность, объединяющая множество разных ручейков в единый поток. В классическом понимании, архитектура является общественно-значимым синтезом старых оппозиций: публичного/частного, искусства/науки, капитала/труда. Если обществом управляют институты власти, которые требуют в качестве своего основания нечто внешнее (божественную природу королевской власти или общественный договор), то им соответствует монументальная архитектура, которая воплощает объективный характер знания. Субъективное знание становится уместным только в частной сфере, тем самым находя свое воплощение в уникальных произведениях, которые общество рассматривает в качестве произведений искусства.
Однако когда общество больше не в состоянии определять себя в объективных понятиях классического детерминизма, но только в понятиях постоянно изменяющегося, текучего поля деятельности, тогда архитектура может отказаться от монументализма, поскольку больше не существует иерархии, которую необходимо превозносить, не существует навсегда данной власти или корпуса знаний, внешнего по отношению к человеческой деятельности, которых нужно кодифицировать. В подобном обществе классическое различие между искусством и жизнью исчезает. Жизнь и искусство теперь идут вместе, нераздельно. Архитектура теперь приобретает черты текучести: ткани, сети, матрицы, гетерархии. Обе социальные структуры сегодня сосуществуют – застывшая и текучая, иерархия и гетерархия. Одна работает, а другая подтверждается практикой, все зависит от точки

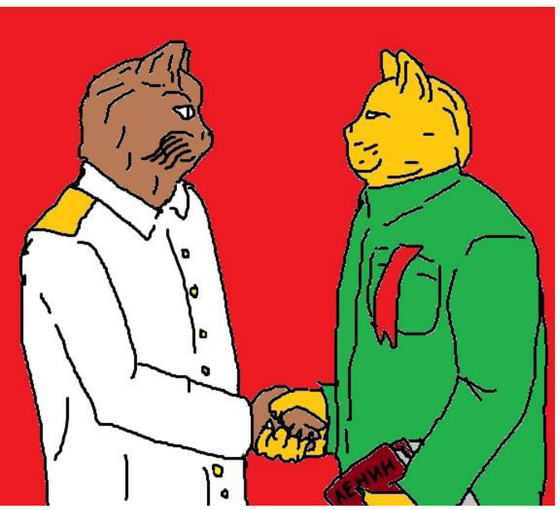


«Искусство», Х/М, 2015.

зрения. Для очень многих современников гетерархия представляет лучший шанс для реализации человеческого потенциала. Тогда как для религиозных фундаменталистов верно обратное. Однако существует одно важное различие, а обе точки зрения ни эквивалентны, ни взаимозаменимы. Гетерархия при необходимости в состоянии быть совместимой с иерархией, тогда как иерархия по необходимости не может быть совместимой с гетерархией и стремится подавить ее любыми средствами, включая преднамеренное насилие и войну.

ВСЕ ИДЕОЛОГИ ЛГУТ

Идеологи обещают свободу, но одновременно заставляют подчиняться устойчивым формам мысли, то есть идеологиям. Идеологии представляют собой системы убеждений, и тем самым не оставляют выбора. Неважно, какого рода эти идеологии, правые или левые, какого государства, веры или национальности. Свобода является не более чем свободой выбирать внутри широкого набора возможностей, которые предоставляет настоящее. Свобода выбора пытается избежать идеологий за счет того, что располагает их в пространстве нескончаемого диалога и принуждения к выбору какой-либо из них. Здесь невозможен выбор не выбирать.
Идеологи утверждают мнения при помощи страха. Свобода выбора, говорят они, приведет к победе сильного над слабым, и (если они честны), то к победе неверующих над верующими, свободных над несвободными. Это победа зла над добром, хаоса над порядком. Свобода выбора, тем не менее, ведет отнюдь не к хаосу, но к новой и более тонкой форме порядка. Сегодня знание связано с возможностью выбора, с ежедневным учетом присутствия других в собственном присутствии. Сегодня не только тотализирующим идеологиям, государствам или этносам дано право определять человека, теперь это право доступно всем и каждому. Хаос является сложной, нелинейной формой порядка, сегодня существуют интеллектуальные инструменты распознавать его и артикулировать. Развитие новых информационных и коммуникативных технологий, которое стало возможным благодаря экзистенциальному знанию, позволило различать новые формы порядка среди того хаоса, который определяет условия существования современного человечества. Теперь есть возможность



«Крепнет единство народов и рас», х/м, 2015.

создавать сложное, текучее и многослойное общество, богатое различиями и предлагающее широкий выбор. Однако в данный момент эти технологии находятся под контролем общественных и частных иерархий, которые используют их как средство осуществления власти над другими, разрушая условия для нового и более гуманного общества. Но однажды все изменится. Фактически изменения уже начались. Создается новая городская ткань на месте разорванной на части войной ткани старой – непосредственно не давая произрастать иерархиям – именно здесь начинается борьба за воплощение новых, гетерархийных обществ.

«Японский большевик», х/м, 2015.

СТАРЫЕ ГОРОДА БЫЛИ ГЕТЕРАРХИЯМИ

Состоящие из сложных рядов зданий и открытых пространств, которые многократно переопределяли свое назначение, сотканные многовековыми усилиями поколений в живую ткань значений, старые города пытались преодолеть свою сложность и абсорбировали иерархии для управления собой. Эти иерархии попытались заковать жизнь городов в жесткие структуры, которые не были ранее свойственны городам и не будут им свойственны впредь. Традиционные иерархии приходили и уходили, а города оставались, лишь укрепляясь и становясь еще более сложными для человека. Только с рассветом современной массовой технологической культуры иерархии смогли захватить сложность городского устройства – сначала посредством шантажа ее через масс-медиа, а затем посредством превращения в жертву войны.
Война сравнивает старые города с землей не только в физическом

смысле. Она редуцирует их многоуровневую сложность до одномерной таблицы, воплощающей монологичную маниакальную структуру иерархии в ее предельно логичной и ужасной форме: в форме поляризации «все или ничто», которую предлагает радикальная идеология и ее рациональные сверхдетерминации. Старые города теперь уничтожены тем же самым насилием и ради тех же самых старых целей. Но они станут городами новыми или станут моделями для новых городов. Если их восстановят, то на основании какой формы знания это будет возможно? И ради каких – и чьих – целей?

АРГУМЕНТ ПРОТИВ РЕСТАВРАЦИИ

Желание заменить то важное, что было утрачено из-за войны, тем же самым вполне естественно. Всегда хочется верить в восстающую из пепла птицу феникс. Имеющие большое значение гражданские и культурные элементы без сомнения должны восстанавливаться в неповрежденном виде как объекты исторического наследия и как пример цивилизованного подхода к памятникам. Но ни в коем случае не в качестве переутверждения прошлого социального порядка, который привел к войне. Попытка восстановить жизнедеятельность старых городов в их прежнем виде – это безумие, которое не только входит в противоречие с новой реальностью, но также препятствует развитию новых форм городской жизни. Где бы ни пытались восстанавливать разрушенный довоенный порядок городской жизнедеятельности, везде это заканчивается пародией, годной только для того, чтобы водить туристов. Жажда возвращения навсегда утраченного свойственна декадентскому, fin-de-siècle сознанию, которое определяет себя как наследника очевидно более богатой и яркой эпохи. Но город во всем богатстве и сложности своих зданий и улиц, многое пережившие и несущие бремя памяти о многих жизнях, не может быть просто так восстановлен. Такие попытки восстановления служат интересам старых иерархий, которые ищут свою последнюю легитимацию в ностальгии и сентиментальности. Подобная демагогическая уловка апеллирует к людям, которые пытаются прийти в себя после трагедии

личной и общественной утраты.
Критически важно, чтобы к началу восстановления города появился выбор и новые пути его развития. Поскольку от правительства и коммерческих корпораций не приходится ждать инициативы в учреждении нового и многослойного общества, импульс для его создания должен поступать снизу, со стороны самих людей, которые начинают строительство заново, непосредственно сами и безо всяких санкций на то со стороны какой-либо институциализированной власти. В число этих людей должны входить представители всех социальных групп ради того, чтобы однажды их освобожденная энергия готова была направиться в турбулентный и заново устроенный сложный человеческий поток, поток, который состоял бы из отдельных атомов экзистенции, но не сливающихся в беспорядочное множество.

АРГУМЕНТ ПРОТИВ СТИРАНИЯ

Также естественно желание стереть память о трагедии и утрате, то есть полностью заменить разрушенный войной город на новый, обладающий лучшей городской тканью. Подобную цель ставили перед собой деятели раннего Нового времени, оказавшись перед лицом интеллектуального банкротства разрушенной войной культуры, банкротства, которое последовало вследствие войны, которая, как тогда казалось, завершила все войны. Эти архитекторы-авангардисты развязали свою собственную войну, насильственно обновляя хаотично застроенные старые города и предлагая стереть наиболее морально устаревшие их части ради нового более гуманного города. Их война увенчалась победой после окончания Второй мировой, когда некоторые города уже были частью стерты с лица земли массированными воздушными налетами, а другие требовали крупномасштабной перепланировки.
Но их цель сделать «как лучше» не была достигнута. Модернистская архитектура, как и логический позитивизм, который лег в ее основание, была столь же одномерной и иерархичной, как и городская культура и ее ткань, которую она отчаянно старалась стереть. Модернистская архитектура оказалась слишком классичной в обосновывающем ее знании, слишком ограниченной причинно-следственной картиной мира, слишком рабской в своем поклонении машине (и ее детерминизму), чтобы воплотить хаотический дух новой эпохи. Архитектура, связывающая себя тогда и ныне с властью левой или правой идеологии, с модернистскими или постмодернистскими доктринами, пропустила революцию в познании, которая свершилась в первые тридцать лет двадцатого века и продолжается поныне. Стирание старого города ради строительства лучшего и более гуманного мира на сегодня широко дискредитировало себя, хотя эта

идея все еще живет там, где тотализирующие системы мышления и представления о пространстве применяются якобы ради удовлетворения всеобщих интересов. Оно применяется в особенности во время послевоенного кризиса, когда города или их части рассматриваются как tabula rasa для начертания новых планов.

СТРОЙКА НА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ РУИНАХ

Какими бы ни были здания, разрушенные взрывами, бомбардировками, артобстрелами, пожарами или просто от старости, их архитектура должна вызывать уважение, ведь она воплощает саму историю. Уже разрушенные, эти здания предлагают новые формы мышления, предлагают новое восприятие пространства, что испытывает потенциал человека быть самим собой, оставаться целым и свободным по ту сторону предзаданной тотализующей системы. Новые обитаемые пространства, которые будут создаваться на экзистенциальных руинах войны, не должны служить триумфу разрушения установленного порядка, как и не должны они символизировать его или быть его мемориалом. Скорее они должны с гордостью нести печать всего пережитого и утраченного, как и то, ради чего приносились все эти жертвы. Они создают поверх разрушенных форм старого порядка категории порядка нового, неотъемлемого от наличных условий, в рамках которых экзистенция ощущает свою силу. И, понимая свою уязвимость и принимая поражение, все-таки не отворачивается от необходимости изобретать себя в мысли в первый раз, таким образом обретая ресурсы для постоянного самообновления и восстановления. Таков морально-этический долг экзистенции, и он же должен стать основой нового общества и нового города.

«Проклятый в процессе дотягивания», х/м, 2015.

ИЗОБРЕТАТЬ И ВЫБИРАТЬ ФОРМЫ

Разрушение старых городов дезорганизовало формы их пространственного и символического порядка. Поскольку существовавшие формы были насильственно редуцированы до единственной, деградировавшей формы, они не могут быть просто восстановлены или заменены. Ведь под этим деградировавшим слоем городской жизнедеятельности находится другой, более глубинный уровень сложности, который может послужить рождению нового города.

Рваные дыры в стенах и перекрытиях, появившиеся в результате взрывов и пожаров, представляют собой сложные формы и фигуративности, уникальные по происхождению и смыслу. Нет двух одинаковых отверстий, даже если у них много общего, например, они появились в результате непредсказуемых последствий применения сил, высвобождаемых тщательно рассчитанными рисками войны. Они – отправной пункт нового, уникального и творческого образа мышления, образа жизни и способа оформления пространства. Благодаря им может быть заново создано гетерархичное сообщество, в котором будут устранены иерархические причины массового насилия и войн.

ВКРАПЛЕНИЯ

В опустошенном разрушениями пространстве появляются вкрапления новых структур. Появившись, они тем не менее не закрывают проблему, но существуют как пространства в пространствах, не пытаясь помирить старое и новое или навести мост между двумя радиально различными системами пространственного порядка и образа мысли. Эти разрывы может заполнить только время. Новые структуры содержат свободные пространства, формы которых отнюдь не приглашают к оккупации атрибутами старого образа жизни и образа мысли. По факту их трудно занять, они требуют ежедневной изобретательности, чтобы стать обитаемыми. Они не спроектированы, заранее для чего-либо не предназначены, непредсказуемы и ничего не предписывают. Они не занимаются контролем мыслей и поведения людей посредством их типологизации или других обязательных мер, или посредством предложенной идеологии и планов по установлению власти над деятельностью людей во имя принудительного смыслового или материального единства. Скорее они предоставляют насыщенную матрицу новых возможностей, своего рода арматуру для новой полноценной насколько это возможно в настоящее время жизни, жизни экспериментальной. Эти свободные пространства поначалу кажутся бессмысленными и бесполезными. Они приобретают смысл и значение только тогда, когда их заселяют конкретные люди. Разрывается традиционная связь с централизованной властью, с системами управления и принуждения. Люди принимают на себя и бремя, и выгоды самоорганизации. Экзистенция непрерывно начинает заново, переизобретая себя.

КОРОСТА

Первый слой новой конструкции закрывает открытые внутренние пространства или пустоты, защищая ее на время последующих трансформаций. «Короста» – странное слово. Наверное, лучше было

бы найти более приятную метафору для описания процесса строительства на руинах войны, но другие слова, вероятно, не смогли бы передать характер той работы, которую необходимо проделать, как и ее смысл. Естественные стадии выздоровления могут не быть приятными с точки зрения общепринятых эстетических стандартов, но они прекрасны в экзистенциальном смысле. По мере того, как искусство и жизнь становятся единым целым, нужда прятаться будет уменьшаться, пока актуальное состояние не предстанет в своей красоте и целостности. Всякое сущее требует переозначивания и переоценки своей ценности, поскольку оно, будучи предметом концентрации всех человеческих усилий, претерпевает трансформацию. Архитектуре, как самой что ни на есть точной форме самоутверждения разума, не пристало бояться союза с тем, что считалось низшей формой проявления человеческого - уродливыми свидетельствами насилия. Архитектура должна научиться трансформировать насилие, даже если насилие знает, как трансформировать архитектуру.

ТВЕРДОЕ И ТЕКУЧЕЕ

В процессе регенерации городской жизни и системы ее воспроизводства после войны отдельные свободные пространства остаются связанными друг с другом посредством оставшейся от старого города сети дорог и кварталов, сколь разрушены они ни были. Гетерархия включает иерархии, так же как мир ортогонального порядка и все его неоплатонические или картезианские предпосылки поглощаются в более свободной геометрии естественных форм, в непредсказуемых геометриях, которыми городские здания обязаны войне, или экзистенциальных геометриях как таковых свободных пространственных структур. Однако переоформление и перезаселение пространства сегодня является лишь только одним из растущего множества наших новых возможностей. Другие возможности обнаруживаются благодаря осязаемому, но, тем не менее, весьма текучему миру электроники и инструментов новой информационной эпохи. Информационный поток между людьми несет на себе ту же печать войны, что и руины старого города: он рационален в своих

«Космос и котэкоммунизм», х/м, 2015.

целях и непредсказуем в последствиях. Новые свободные пространства содержат электронные инструменты, в том числе такие, которые существенно важны для экспериментальной жизни. Они расширяют наши возможности экспериментировать, по-новому мыслить и действовать.

ШРАМ

На более глубоком уровне конструкции смешивается старое и новое, они примиряются друг с другом и объединяются, избегая компромиссов ни ради контекстуального, ни ради других форм единства. Шрам – это знак гордости и чести во имя того, что было утрачено и что было завоевано. Его нельзя стереть, разве что замаскировать косметикой. Он не может стать большим, чем уже есть, он - мутантная ткань, предтеча непредсказуемых регенераций.

Получить шрам – значит принять экзистенцию. Выздоровление – отнюдь не иллюзорный косметический процесс, но нечто – посредством артикуляции различий – одновременно разделяющее и соединяющее. Новые формы знания, в которых больше ценится конкретное мышление, а не абстракции, предоставляющие власть внешним по отношению к экзистенции силам, управляют сообществом, основанном на различиях между людьми и вещами, а не на сходствах. Город ответственных людей, индивидов, каждый из которых может поведать персональную (и даже глубоко личную) историю, несет на себе уникальные шрамы, а каждая его трансформация рассказывает новую историю. Все чаще это будут истории о поиске и новых открытиях, все дальше и дальше удаляющие нас диктата социальных норм.

КТО НАСЕЛЯЕТ СВОБОДНЫЕ ПРОСТРАНСТВА?

В свободных пространствах живут представители всех социальных классов – любой, у кого есть желание или необходимость изменить формы повседневной жизни от застывших к текучим, от детерминистичных к экзистенциальным. По большей части это будут люди, которые находят старый, иерархичный порядок слишком неудобным, слишком угнетающим, слишком негодным, люди, которые хотят, чтобы их жизнь в большей степени находилась в их руках. Это будут люди кризиса, кризиса знания, кризиса географии, кризиса сознания. Те, кто будет все всегда начинать сначала.

КТО ВЛАДЕЕТ СВОБОДНЫМИ ПРОСТРАНСТВАМИ?

Те, кто присваивает свободные пространства. Те, чья повседневная жизнь придает им все большее значение. Не ошибутся те, кто будет жить в них в соответствии с этикой «выживания наиболее приспособленных», ведь такая этика будет считаться формой товарищества. Те, кто может придумать или создать пространство, разрешают всем

свободно пользоваться им. Они сами могут занимать пространство или оставить его для других – они уже получили свою награду. Жить в свободном пространстве также означает постоянно изменять себя. Изъятые, вне зависимости от того, по каким причинам это было сделано, пространства возвращаются в публичное пользование. В этом заключается справедливость и реализм постоянно возобновляемого начала.

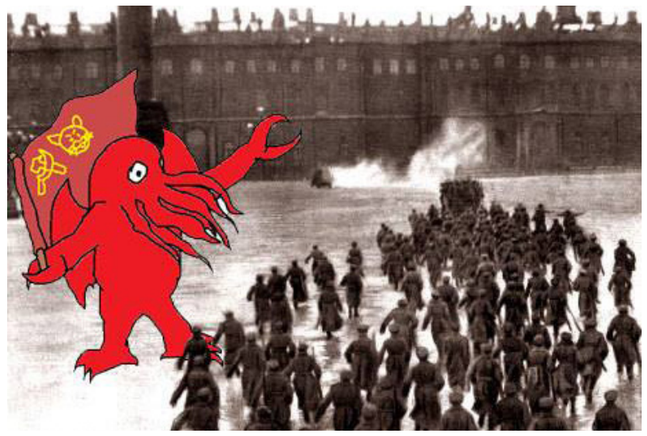
КТО ЗАПЛАТИТ ЗА СОЗДАНИЕ СВОБОДНЫХ ПРОСТРАНСТВ?

Банки, безусловно, не станут финансировать свободные пространства, как не станут делать этого ни корпорации, ни правительства или культурные институции - именно под их управлением жилые пространства были сначала везде подчинены, а затем насильственно истощены во имя ложно понятых ценностей единства и безопасности. Деньгами свободные пространства не купить, ведь деньги не нужны тем, кто сознательно сделал себя независимым от источника заработка. Для начала вполне эффективным будет бартер. Запасы спасенного имущества стимулируют находчивость, оригинальное использование материалов и т.п. Возможно, новой валютой станет информация. Оцениваемая в байтах или битах, она станет дороже золота. Свободные пространства финансируются изнутри самих себя, теми, чьи знания и изобретательность, энергия и находчивость всегда питала цивилизацию - однако теперь все это послужит непосредственно самим людям.

НОВАЯ ТКАНЬ

Новые города требуют архитектуру, которая в водовороте постоянно изменяющихся условий всплывает из никогда не прекращающегося потока и в нем же тонет – архитектуру, которая черпает свою мощь из переплетения смещающихся сил, из импульсов непредсказуемых движений, из изменений сознания, перемены мест, случайных разрывов и связей – архитектуру, которая сопротивляется изменениям, даже если она из них проистекает, которая борется за свою кристаллизацию и способность стоять вечно, даже если она разрушена, а фрагменты ее разбросаны – архитектуру, которая стремится к благородству присутствия, пусть даже зная, что только незавершенное может обладать чертами благородства в мире, где все упаковано, выставлено на прилавок и уже продано – архитектуру, которая стремится к благородному упорству в мире вечной гибели, тем самым придавая ценность каждому мгновению – архитектуру, которая растет, скручиваясь и извиваясь, и неожиданно взлетает, а не измученную, сентиментальную или жалкую, которая холодом своей поверхности препятствует всякому удобству и теплу – архитектуру,

которая движется, неважно, быстро или медленно, аккуратно или решительно, сопротивляясь ложной уверенности в устойчивости или своей смерти – архитектуру комфорта, но только для тех, кто его не ищет – цыганскую архитектуру, архитектуру бродяг, для которых нигде нет дома – архитектуру бродячего цирка, которая лишь день простоит, да ночь продержится – архитектуру мигрантов, чующих приближение голода ночи – архитектуру философии вмешательства, чьи формы постоянно изменяются, и чей словарь состоит только из одноразовых слов, которые тут же забываются – архитектуру, которая постоянно скручивается и изгибается в борьбе против силы тяжести, против времени, против, против, против – варварскую архитектуру, грубую и наглую, жизнерадостную и гордую – запутанную архитектуру, перематывающую леса смыслов – архитектуру, пойманную лучом света и выброшенную затем в пространство тьмы – архитектуру, восприимчивую к случайным сдвигам своих нежных форм, и одновременно безразличную к своему разрушению – архитектуру разрушения, но разрушения с глубоким уважением – заброшенную архитектуру, которая настаивает на своей глубинной красоте – покинутую архитектуру, которая не ждет, чтобы ее снова вспомнили, но невозмутимую в своем отстранении – архитектуру, которая передает чувство движения и изменений, резонирующую каждой силе, которая на нее влияет, поскольку она одновременно и сопротивляется и разрешает – архитектуру, которая движется только ради того, чтобы сохранять равновесие – архитектуру, которая оскорбляет политиков, поскольку они не могут сказать, что она принадлежит им – архитектуру, формы и пространства которой являются причиной восстания против них, против мира, в котором они появились – архитектуру, искаженную так, как будто бы так и было построено – архитектуру, построенную так, как будто она не была искажена .



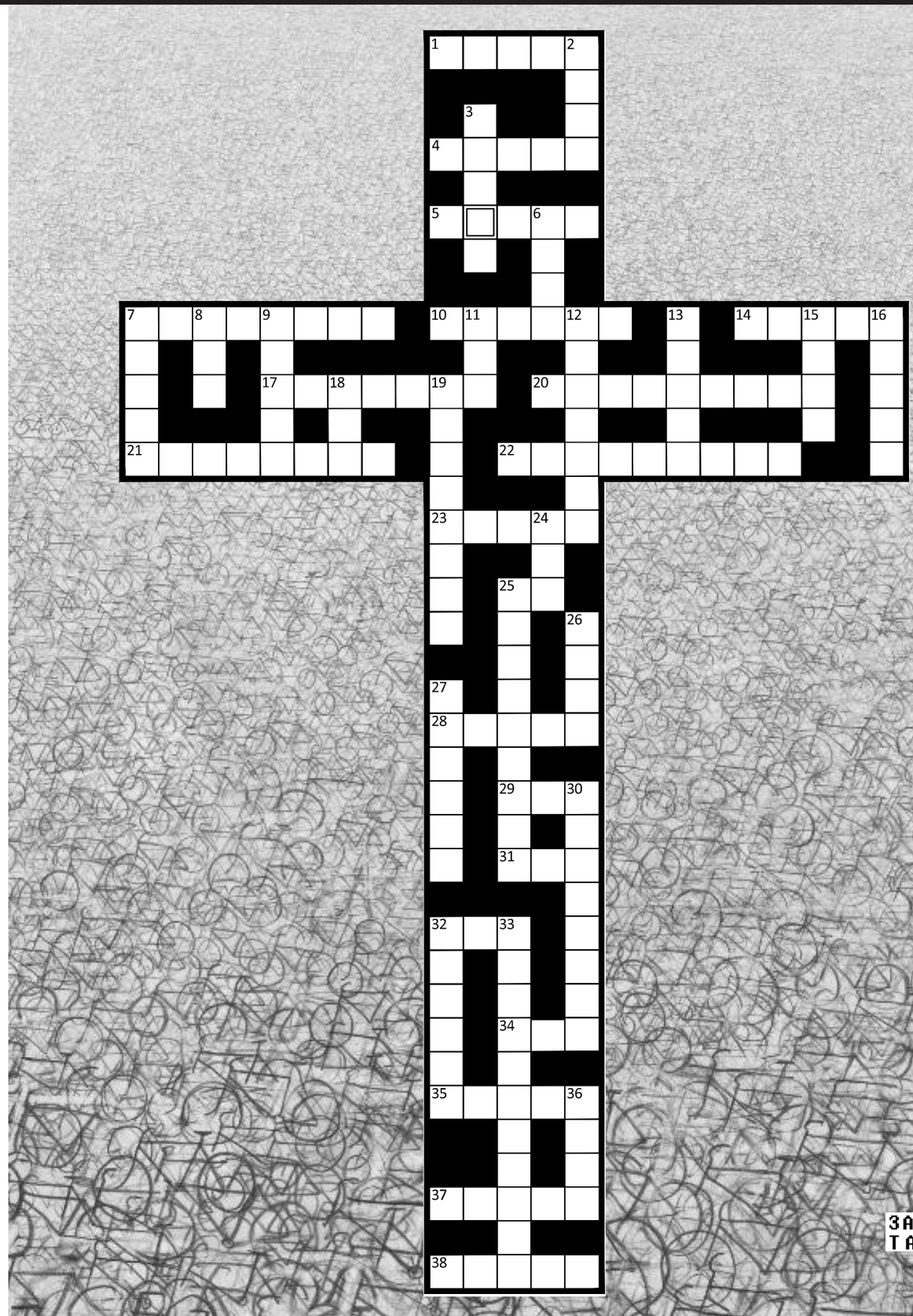
«Красный Ктулху Котэкоммунизма овладевает Зимним», х/м, 2015.

По горизонтали:

1. Лицевая сторона здания. **4.** Строительный материал, также используется для закатки неугодных индивидов. **5.** Чебурашка, незабудка, печной ящер, педигрипал, санта-лючия, глиномес, марксист, половой демократ. **7.** Свободолюбивый массон. **10.** Прозвище культового певца Сан-боя из Ярцево. **14.** Автор мануала для Ленина. **17.** Пятый кинофильм из серии “Терминатор”, имя Пи-Орриджа. **20.** Медиум между вычислительной машиной и человеком. **21.** Родитель Ктулху, Дагона и прочих весьма приятных персонажей мира ужасов. **22.** Массовая движуха против угнетателей. **23.** «Мертвые найки» твоего дедули. **25**. Тартар, пекло , то место, куда всех лузеров регулярно отправляет Паук Троицкий. **28.** Имя (идентификатор) учётной записи, а также христианское мужское имя **29.** Подвальный бар в Москве в которм тусит Чинават. **31.** Основа фалафеля. **32.** «Нормальный правильный пацан». **34.** Фэн, увлеченный человек. **35.** Сорт бумаги. **37.** Яйцо вши, подлый человек. **38.** Существование сущего.

По вертикали:

2. Скотенков против них боролся, с помощью него был убит Джихади Джон, Серега Помелов собирал его на работе. **3.** Глава кровавой гебни при Сталине. **6.** Должность Дукалиса. **7.** Вид строительной конструкции; у Пантеона в нем окулюс. **8.** Веселая картинка, способная к репликации. **9.** Страна в Западной Африке. **11.** Любимая еда китайчонка Ли. **12.** Старые шмотки. **13.** Вид телесного наказания; применяется для профилактики лени и прояснения разума. **15.** Панковский балахон священнослужителя. **16.** Способ создания новых слов внутри текста, желательно заумных (у А. Кручёных). **18.** Слово из трех букв: первая Н, последняя Ф, а между ними Е. **19.** Градостроительная политика Москвы, врожденное слабоумие. **24.** Как Леопольд и Матроскин, только «Д» на конце **25.** Закат человечества, пустая земля, смерть всего живого в случае повсеместного распространения капитализма на планете. **26.** Основа моднейшей экономики, проекция архитектурного чертежа. **27.** Способ размножения , вид строительной конструкции. **30.** Ребус на стр.34 Какой архитектурный объем символизирует незадачливый водолаз. **32**. Великий Кукурузо Никита, геростратнашего времени и нобелевский тракторист Михаил, бровеносец в потёмках Леонид – все они занимали эту должность. **33.** Единица рабочего класса светлого цифрового будущего по Романовскому. **36.** Отсутствие света.



ОТВЕТЫ ВЫ НАЙДЕТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ!
ПЕРВЫЕ ДЕСЯТЬ ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЕ ПРИШЛЮТ НАМ ОТГАДАННЫЙ КРОСВОРД, ПОЛУЧАТ СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПРИЗ ОТ РЕДАКЦИИ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:
Геотравма-геология и почва

ЗАПИСКИ
ТАФУРИ **zapiskitafuri@gmail.com**